

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт гуманитарных исследований
Центр теории и истории культуры
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (IAS)
Отделение гуманитарных наук Русской секции
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Центр тезаурологических исследований

ТЕЗАУРУСНЫЙ АНАЛИЗ

МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сборник научных трудов

Выпуск 10

Под общей редакцией
профессора Вл. А. Лукова

Москва

2007

*Печатается по решению
Института гуманитарных исследований
Московского гуманитарного университета*

Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов.
Вып. 10 / Под общ. ред. Вл. А. Лукова. — М.: Изд-во Моск. гума-
нит. ун-та, 2007. — 82 с.

В сборнике помещены работы, в которых представлены тео-
ретические аспекты тезаурусного научного подхода и результаты
его практического применения к различным областям гуманитар-
ного знания (теория и история культуры, литературоведение, со-
циология, педагогика).

*Ответственный редактор
заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор Вл. А. Луков*

© Авторы статей, 2007.

© МосГУ, 2007.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ТЕЗАУРУС РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

Как и любая национальная литература, русская имеет свои отличительные особенности свойственные только ей. Что делает русскую литературу русской?

Конечно, русский язык произведений авторов, которые не обязательно являлись русскими по своей национальности, но стали великими русскими писателями, творя свои стихи, повести и романы на русском языке.

Здесь возникает некоторое противоречие, ведь Гоголь был по национальности украинец, но писал только на русском, целиком причислял себя к носителям русской культуры и даже участвовал в яростном споре с украинскими националистами, которые уже в XIX веке пытались заставить его писать на украинском языке. Вместе со своими единомышленниками, такими же, как и он, выходцами из Малороссии, как тогда называли территорию Украины, которые адаптировались в русской среде, Гоголь спорил с ярыми националистами, защищая интересы русской литературы. Гоголь даже хотел принять должность профессора Киевского университета, дабы возродить «дух Киевской Руси», имея в виду духовное наследие русской культуры, а не государственное устройство средневекового киевского княжества времен князя Владимира, крестившего Русь в конце IX века.

Однако, несмотря на то, что Гоголь писал на русском языке, ему это нисколько не мешало тонко передать национальный украинский колорит в своих произведениях «Вечера на хуторе близ Диканьки», в «Миргороде», создать образ великого украинского героя Тараса Бульбы.

Парадокс русской литературы заключается еще и в том, что самый великий русский писатель не был чисто русским по крови — речь идет об Александре Сергеевиче Пушкине. Несмотря на то, что своими корнями родословная Пушкина уходит в глубины русской истории и отмечена многими именами участников важных событий в государственной жизни России, прадед русского поэта по материнской линии Ибрагим Ганнибал был по происхождению эфиоп. Его, сына эфиопского князя выкупил из плена у турецкого паши русский посол за бутылку рома и подарил Петру Первому, который крестил его, обратив в православие.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Россия и Европа: диалог культур во взаимоотражении литератур», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (грант 06-04-00578а).

Так началась удивительная история жизни чернокожего предка русского писателя, который, несмотря на расовое отличие, смог добиться высокого положения в России и уважения за свою доблесть во Франции, куда был отправлен Петром обучаться инженерному делу. Многие американские исследователи подробно останавливаются именно на этой особенности родословной поэта, считая, что эта африканская ветвь является чуть ли не самой важной в творческом самосознании поэта. В набросках своей автобиографии, в трагедии «Борис Годунов», в незаконченном романе «Арап Петра Великого», в стихотворении «Моя родословная», в статьях и письмах поэт часто вспоминает своих великих предков.

Таким образом, литература становится русской не по национальности писателей (слишком многонациональным государством была Россия с самого начала), а по языку произведений и культуре, к которой принадлежали их авторы. Так, лауреат Нобелевской премии Борис Пастернак по национальности был евреем, но по духу его произведений остается великим православным русским писателем. Его роман «Доктор Живаго» входит в число шедевров, которые подарила Россия миру в XX веке. Русская литература стоит вне рамок чисто национального вопроса, да и вообще ответить на вопрос, кто такие русские и что это за народ, оказывается совсем не просто.

Кто же такие русские? Люди, населяющие территорию Российской Федерации? Но мы ведь знаем, что ученые насчитывают более 100 национальностей, проживающих в России. Или русские — это те, кто говорит на русском языке?

За многовековую историю Российского государства страна постоянно подвергалась набегам разных племен, степных народов, половцев, хазар, скандинавских викингов, пережила татаро-монгольское нашествие, находилась под правлением Золотой Орды более 150 лет, воевала на своей территории со шведами, немцами, поляками, турками, французами. Все эти исторические, геополитические особенности народа, населяющего ныне территорию России, делают совершенно невозможным определение генетического состава русского этноса сегодня. Да и первые русские цари, очевидно, были призваны на княжение, правление восточно-славянскими племенами с территории нынешней Скандинавии, вероятней всего Норвегии. Три брата из рода Рюрика прибыли по приглашению угорских и славянских племен чуди, словенов, кривичей и весей на правление ими, поскольку сами они постоянно враждовали между собой и не могли добиться порядка в устройстве своей территории. Пришедшие со своей дружиной на правление варяжские князья Олег, Игорь, Святослав и Ярополк, проявили массу талантов, добиваясь

процветания вверенных им в правление земель. Они даже дали новой стране варяжское название – Русь. (До сих пор в районе северного норвежского города Тромсе, когда студенты праздную свой день наподобие того, как это происходит у студентов в Финляндии на Ваппу, они называют свои веселые компании Русью). Однако удержать власть и сплотить разрозненные славянские племена им удалось не при помощи силы, а только дав Руси новую веру, религиозное учение, которую должны были разделять и исповедовать все разрозненные языческие племена. Святой Владимир, потомок варяжских князей, среди множества других существовавших в то время религий выбрал именно православие. По преданию, он разослал гонцов в разные стороны света, дабы найти религию с самым красивым обрядом. Вернувшись назад, гонцы объявили, что нет на белом свете краше храмов и службы, чем у православной церкви. Именно это событие определило характер развития государства и формирования русского этноса и культуры из союза разных племен.

Православие и вообще христианство сыграло в становлении русской литературы одну из главных, если не основную роль². Начнем с то-

² Подробнее о проблеме христианского тезауруса русской литературы см.: Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 5–11; Его же. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Там же. С. 249–261; Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе (к постановке проблемы) // Там же. С. 32–61; Ромодановская Е. К. От цитаты к сюжету. Роль повести-притчи в становлении новой русской литературы // Там же. С. 66–75; Мальчукова Т. Г. О сочетании античной и христианской традиций в лирике А. С. Пушкина 1820–1830-х гг. // Там же. С. 84–130; Кошелев В. А. Евангельский «календарь» пушкинского «Онегина» (к проблеме внутренней хронологии романа в стихах) // Там же. С. 131–150; Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Там же. С. 151–158; Канунова Ф. З. Соотношение художественного и религиозного сознания в эстетике В. А. Жуковского (1830–1840) // Там же. С. 159–169; Звозников А. А. Достоевский и православие: предварительные заметки // Там же. С. 179–191; Кунильский А. Е. Проблема «смех и христианство» в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // Там же. С. 192–200; Иванов В. В. Юродивый герой в диалоге иерархий Достоевского // Там же. С. 201–221; Головкин В. М. Черты национального архетипа в мифологии Христа произведений И. С. Тургенева // Там же. С. 321–148; Неёлов Е. М. От волшебной сказки к литературе: фольклорная трансформация евангельской традиции в учении Н. Ф. Федорова о воскрешении // Там же. С. 262–273; Жилиякова Э. М. Последний псалом А. П. Чехова («Архиерей») // Там же. С. 274–284; Тарланов Е. З. Христианские мотивы в поэзии К. Фофанова // Там же. С. 285–293; Маркова Е. И. «Душа воскресшая» в поэзии Николая Клюева // Там же. С. 308–315; Сепсякова И. М. Языческое, старообрядческое и христианское начала в поэзии Николая Клюева // Там же. С. 316–341; Карпов И. М. Религиозность в условиях страстного сознания (И. Бунин. «Жизнь Арсеньева. Юность») // Там же. С. 341–347; Спиридонова И. А. Христианские и антихристианские тенденции творчества Андрея Платонова 1910–1920-х годов // Там же.

го, что русская письменность возникла только с принятием древней Русью христианства и появлением кириллического алфавита в 863 г. Составленный византийскими монахами братьями Кириллом и Мефодием кириллический алфавит быстро распространился по всей территории восточных славян. Но Кирилл и Мефодий дали для России не только письменный язык, но и перевели на церковно-славянский язык книги, необходимые для богослужения: Евангелие, Апостолы, Псалтырь³.

Есть народы, у которых письменность и литература возникла гораздо раньше принятия, а то и возникновения христианства. Так, не только христианский мир, но и все человечество многим обязано античной литературе — греческой и римской. Такие народы, как китайцы, индийцы, евреи, японцы, не приняли христианства вообще, но имеют древнюю и богатую литературу. Евреи и греки дали христианству Священное писание — Ветхий и Новый Завет. И не случайно первой книгой для многих народов, принявших христианство, стала Евангелие. У многих народов литература появилась после принятия христианства, но для Древней Руси крещение дало и письменность, и литературу — словесность (т. к. собственно литература как таковая возникла, только когда у текста появилась задача не только передавать информацию, но и прежде всего доставлять эстетическое удовольствие, развлекать читателя, скрашивать его досуг). Это историческое совпадение определило исключительное значение и высокий авторитет русской литературы в духовной жизни народа и государства.

В силу идеологических причин о христианском характере русской литературы молчало и не могло не молчать советское литературоведение. Если верить школьным и университетским учебникам советской эпохи, то русская литература всех веков была озабочена государственными делами, а в последние два века только что и делала, что готовила и осуществляла революционный переворот. История русской литературы представлялась в советских учебниках как история государства, общества, история политической борьбы классов. Была, конечно, и борьба, но в целом русская литература имела другой, христианский характер.

С. 348–360; Бёртнес Ю. Христианская тема в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Там же. С. 361–377.

³ См.: Савельева Л. В. Славянская азбука. Дешифровка и интерпретация первого славянского текста // Проблемы исторической поэтики. Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 12–31. Пушкин, однако, отрицал всякий смысл в русской азбуке, всякое скрытое в ней послание, но концепция автора выглядит очень поэтично и красиво.

Таким образом, на протяжении последних десяти веков русская литература была не столько светской, служившей для удовлетворения эстетических потребностей читателя, не столько мирской, сколько христианской книжностью и словесностью. Книжностью, чьи произведения создавались в монастырях и хранились в монастырских библиотеках.

Конечно, обыкновенная статья, как лекция или даже целый курс, не может вместить в свои рамки все многообразие процессов, обуславливающих возникновение национальных особенностей той или иной литературы. Этим должна заниматься целая дисциплина — этнопоэтика, но из прочтения большинства русских классических текстов следует, что всем им, даже атеистическому меньшинству, присуще: 1) употребление христианских мотивов, образов, интерпретация легенд, библейских сюжетов и жанров; 2) использование христианского календаря, 3) использование говорящих имен героев.

Поясним это на конкретных примерах.

Действие романа Достоевского «Бесы» приурочено к 14-му сентября, к Крестовоздвиженскому празднику, что, в свою очередь, обращает внимание на символический смысл фамилии героя «Бесов» Ставрогина (stavros-по-гречески «крест»). Именно в этот день мог начаться, но не состоялся искупительный подвиг великого грешника.

Идея Преображения — одна из коренных идей православия. В жизни Христа был день, когда он с учениками взошел на гору Фавор и «преобразился перед ними: Его лицо просияло как солнце, одежды сделались белыми как свет». Сын Человеческий «открыл своим ученикам, свою божественную сущность, то, что он «Сын Бога Живаго». По стихам Юрия Живаго, которые Б. Л. Пастернак поместил в конце романа, мы знаем, что этот день «Шестое августа по-старому стилю». Это очевидная подсказка для нас, кто же такой Доктор Живаго, откуда взялась его странная и даже для русского уха редкая фамилия и что стоит за его гамлетовской нерешительностью. В этом заключается символический смысл евангельских сюжетов стихов героя: «На страстной» (Пасха), «Август» (Преображение), «Рождественская звезда» (Рождество). «Чудо» с его категорическим утверждением: «Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог», «Дурные дни», две «Магдалины» и «Гефсиманский сад».

В имени, отчестве и фамилии героя (Юрий — Георгий Андреевич Живаго) есть и иные символические смыслы: Юрий — победоносец — победитель змея — зла, символ русской Государственности, герб города Москва. Отчество Андреевич — восходит к Андрею Первозданному, одному из 12 апостолов Христа, по преданию, дошедшего с проповедью его учения до языческой Киевской Руси.

Интересным для этнопоэтики может стать вопрос: случайно ли или нет то, что русское эстетическое сознание оказалось неспособным создать образ Злого Духа, достойного гетевского Мефистофеля? Ведь русский демон — очень странное по своей природе существо. Он не зол, а «злобен», а подчас и просто незлобив в своей незадачливости. Неудачливы и смешны черти Гоголя, сказочные бесы Пушкина, драматичен демон Лермонтова. Не вышел чином, чем очень обидел героя романа Достоевского, черт Ивана Карамазова. Пушкинский Демон, «дух отрицанья, дух сомненья», вообще готов признать идеал и правоту Ангела и произносит: «Не все я в небе ненавидел, // Не все я в мире отрицал». Даже дерзновенный лермонтовский демон готов примириться с Небом, ему наскучило зло, он готов признать силу любви. И почему позже русский бес выродился в «мелкого беса»? Почему вопреки служению силам зла Воланд творит добро, помогает Мастеру, создавшему роман о Христе? Не потому ли, что в истории русского православия не было инквизиции и христианское отношение к человеку проявилось и по отношению к Злому Демону? Не здесь ли разгадка мученической судьбы православной церкви в годы гражданской войны и в двадцатые-тридцатые годы?

Впрочем, Достоевский говорил и не раз доказывал в своих произведениях, что смирение — великая сила, и история подтвердила правоту этих слов. Смирение как черта национального характера присуща большинству северных народов.

В отношении к христианству русская литература была неизменна, хотя были и антихристианские писатели, и таких писателей было много в советское время. Но их отрицания Христа и христианства в целом не было до конца последовательным и однозначным. Советские писатели зачастую подменяли христианские ценности общечеловеческими гуманистическими идеями. Пройдя эпоху классовый борьбы и ожесточение социалистического строительства, советская литература обнаружила глубокую связь с предшествующей христианской традицией, декларируя борьбу с пережитками «старого времени» только в период 20–50-х годов.

Даже в советской литературе умудрились уцелеть истинно христианские писатели — назовем самых знаменитых из них: Борис Пастернак, Анна Ахматова, Александр Солженицын. И хотя их объявили антисоветскими писателями, отлучить их от русской литературы стало невозможно. В том, что писали самые знаменитые советские писатели, такие как Горький, Фадеев, Маяковский, Шолохов и др., была своя

правда, будь то житейская или историческая, но теперь она в прошлом, будущее стоит за правдой Вечной.

Сегодня русская литература и вообще любая национальная литература пребывает в жесточайшем кризисе. Не все писатели смогут пережить его, но у русской словесности есть глубокие корни длиной в тысячелетие, и лежат они в христианской православной культуре, а это значит, что у нее всегда есть возможность воскреснуть и преобразиться.

*С. Н. Доведов,
Вал. А. Луков*

ВЛАДЕЛЬЦЫ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ: ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД К ИХ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Тезаурусный подход расширяет зону своего применения. По результатам исследования, целью которого стало выявление роли владения мобильным телефоном как субъективного фактора социальной стратификации, можно утверждать, что тезаурусный подход позволяет прояснить сложные вопросы социальной дифференциации в переходном обществе, когда роль объективных характеристик социальной стратификации падает, а социальная идентичность выдвигается на первый план реальной дифференциации общества. Исследование, на которое мы ссылаемся, проведено в 2004–2007 гг. в Московском гуманитарном университете. Его эмпирическую базу составили: вторичный анализ данных массового анкетного опроса пользователей мобильных телефонов в 16 странах мира, в том числе и в России (опрос проведен в январемарте 2005 г. исследовательским агентством Satama, Финляндия, в России — агентством Taylor Nelson Sofres, объем выборки — 4500 человек; формализованные интервью с продавцами (30 интервью) и покупателями мобильных телефонов (84 интервью) в салонах связи в Москве и Твери (период проведения опроса — август 2005 г., выборка целевая); анализ статистических данных о пользователях мобильных телефонов агентства Gallup TNS. Ориентированные на задачи маркетинга исследования агентства Satama и агентства Gallup TNS, впрочем, и как исследование в Москве и Твери, проведенное С. Н. Доведовым, нуждались в осмыслении на теоретическом уровне в ракурсе обозначенной выше цели. Маркетинговые исследования пользователей мобильных телефонов по определению не дают ответы непосредственно на социологические вопросы, и лишь их вторичный анализ позволяет выявить факторы социальной стратификации, связанные с предметным и символическим миром человека XXI века.

В рамках современного динамично развивающегося российского общества выявление и исследование особенностей стратификации на базе новых ее характеристик, лишь начинающих проявлять свое значение, могло бы стать актуальным в научном и практическом отношениях. Между тем, проблемы социальной стратификации в российской социологии в последнее время оказались отодвинутыми на задний план другими проблемами. Как отмечает А. И. Шендрик, «на классическое понимание социологии как науки, исследующей общество и его структур-

ные элементы (социально-классовые, социально-профессиональные и социально-демографические группы и взаимоотношения между ними)... опираются в своих работах сегодня только отдельные социологи»¹. Но, на наш взгляд, это не свидетельство продвижения социологии на новые уровни осмысления действительности, а знак растерянности перед стремительными трансформациями социальных структур и отношений.

В этой связи нельзя не отметить, что современное российское общество развивается и видоизменяется особенно быстро ввиду того, что реформы 1990-х годов, наряду с резким обострением социальных проблем, стремительным ростом социального неравенства и болезненными трансформациями социальной структуры, открыли для страны новые экономические, технологические и социальные возможности. К продуктам новых технологий оказались причастны большие группы населения, в ряде случаев, например, в крупных городах — большинство населения. Показательны в этом отношении технологии мобильной связи: за короткий срок они стали доступны практически всем слоям российского общества, как в свое время стационарные телефоны стали общедоступными средствами коммуникации. Мобильный телефон ввиду определенных причин приобретает все большую социальную значимость: он стал одним из наиболее характерных атрибутов современного человека, в особенности жителя мегаполиса, такого как Москва. Мобильный телефон является реальным воплощением широких возможностей мобильных технологий в обеспечении повседневного дистанционного контакта людей, поддержания коммуникаций в социальных общностях. Телефонизация всего общества, новые потенциалы мобильного общения, возможности оставаться на связи и получать информацию — все это оказывает прямое и значительное влияние на общество в целом и поведение индивидов.

С учетом этого возникают и новые обстоятельства социальной жизни, факторы социальной дифференциации и интеграции. В переходный период, который переживает Россия, социальная стратификация испытывает на себе воздействие множества факторов. Наряду с основными факторами структурной трансформации, связанными с изменениями в социально-экономическом строе, возрастающую роль начинают играть факторы, связанные с переменами в социальной идентичности людей, их ценностных ориентациях, потребительском поведении, вещном и символическом мире. Этот субъективный пласт социальной стра-

¹ Шендрик А. И. Социология культуры. М.: Юнити, 2005. С. 209.

тификации все более значим как необходимый компонент образа и стилей жизни и нуждается в изучении.

Внимание к такого рода факторам возникло в социологии в ситуации, отдаленную от нас почти столетием, и в то же время в чем-то напоминающей нынешнюю. Свидетель и участник радикальных социальных трансформаций в России периода Октября 1917 года П. А. Сорокин позже в разработке вопросов социальной стратификации и социальной мобильности придает значение не только факторам различий в образе жизни (как у К. Маркса) или соответствующим формуле «богатство-престиж-власть» (как у М. Вебера), но и факторам субъективного свойства. Сорокин утверждал, что любой признак социальной дифференциации при определенных условиях может стать компонентом неравенства. По Сорокину, социальная мобильность охватывает перемещения из одной социальной позиции в другую не только индивидов, но и «социальных объектов» (у Сорокина приводятся примеры перемещений таких социальных объектов, как радио, автомобиль, мода и др.)².

Из теоретических идей в области социальной дифференциации, выдвинутых в отечественной социологии, для исследований переходных обществ ценность составляет концепция О. И. Шкаратана, который при оценке социального статуса индивида принял во внимание как основные критерии (престиж профессии, уровень дохода, продолжительность и качество образования, объем властных полномочий, размер собственности), так и другие, менее универсальные, но, в определенных случаях имеющие существенное значение. Так, он установил, что специфическими компонентами стратификационной структуры территориальной общности могут быть *потребительские* группы. Исследования, проведенные Шкаратаном в России, показали, что эти группы не совпадают с социальными слоями, выделенными по критерию социально-экономической неоднородности труда. Объединяющими факторами, формирующими сходство по потреблению и нормативно-ценностным представлениям, являются микросреда социализации (семья, ассоциация), а также профессионализированные институты духовного производства³. Исследователь выделил девять групп по критерию разнообразия деятельности, объединив родственные виды занятий. Это дало интересные (хотя и небесспорные) группировки социально-статусного характера. Например, Шкаратан установил, что «разнообразно развлекающиеся личности уступали в таком измерении тем, кто, скажем, сочетал воспитание детей и с занятием любительским трудом, и со спор-

² См.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 373.

³ См.: Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 38.

том»⁴. Оригинальность подхода состоит здесь в том, что потребительские группы установлены на основе частотных характеристик вовлеченности людей в разнообразные виды внепроизводственной (потребительской) деятельности. Таким образом открылась возможность характеризовать территориальное сообщество, придавая определенное значение субъективным факторам группообразования.

Субъективные факторы социальной стратификации тесно связаны с процессами социальной идентификации. В современном обществе, особенно на переходном этапе, самоидентификация индивида и определение его связи с какой-либо референтной группой имеет существенное значение в стратификационном процессе. Изучение этих явлений и процессов нуждается в методологических средствах, позволяющих рассматривать социальные практики в тесной привязке к социальной субъектности. Одним из таких средств является тезаурусный подход, позволяющий увидеть роль символических средств в дифференциации социальных общностей по основанию «свой-чужие».

С учетом этого уже на уровне формулирования исследовательской гипотезы мы учитывали тематизмы, характерные для тезаурусного подхода к анализу социальной реальности. Гипотезу исследования составляло предположение о том, что в условиях переходного общества субъективная составляющая социальной стратификации проявляется в значительной мере в отношении к вещному и символическому миру и этим создает предпосылки для выбора представителями определенных социальных общностей мобильного телефона определенной марки как средства групповой идентификации. При этом определенные группы пользователей выбирают мобильный телефон согласно своему статусу, положению в обществе, а другие группы выбирают телефон, не соответствующий их группе, для повышения своей стратификационной характеристики.

Приведем аргументы, позволившие нам утверждать, что гипотеза подтвердилась.

Данные международного опроса пользователей мобильных телефонов и данные формализованных интервью с продавцами и покупателями мобильных телефонов в салонах связи в Москве и Твери позволили установить существенные совпадения как самих факторов типологизации, так и принципов последующей группировки, примененных в исследовании группы Гэллапа и том, которое провел С. Н. Доведов. Различие определяется назначением исследований: решением маркетинго-

⁴ Там же. С. 39.

вых задач в первом случае и выявлением социально-стратифицирующей роли мобильного телефона — во втором. Результаты проведенного анализа данных международного опроса показали, что существуют два ключевых фактора, влияющих на формирование групп в обществе по признаку владения мобильным телефоном: (1) степень заинтересованности индивида в сфере современных технологий и мобильных телефонов и (2) зависимость от того, насколько рациональным или эмоциональным является отношение индивида к выбору мобильного телефона. На основании этих двух факторов могут быть выделены 4 полярные группы и — с учетом демографических характеристик — основные 11 подгрупп, по которым распределяются пользователи мобильных телефонов по принципу ценностных ориентаций и особенностей поведенческих стратегий индивидов. Этими группами являются: «Ориентированные на впечатления», «Ориентированные на труд и карьеру», «Увлеченные новейшими технологиями», «Ориентированные на моду и стиль», «Ориентированные на семью», «Ориентированные на имидж», «Статусоориентированные», «Незаинтересованные», «Ориентированные на экономию», «Ориентированные на владение», «Ориентированные на лидерство и власть».

Социально-демографическое описание типовых групп и долю каждой типовой группы в общей совокупности пользователей мобильных телефонов в России представлены в таблице 1.

Таблица 1

ТИПОЛОГИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ

Тип пользователей	Основные социально-демографические характеристики типичных представителей	Доля в общем числе пользователей (в %)
«Ориентированные на впечатления»	Средний возраст 20–24 года, доход средний, открытые, общительные, социально активные	9,4
«Ориентированные на труд и карьеру»	Средний возраст 25–35 лет, доход средний, активные, работающие на первом или втором рабочем месте или совмещающие учебу и работу, не состоят в браке или не имеют детей	13,1
«Увлеченные новейшими технологиями»	Средний возраст 20–28 лет, более 70% — мужчины, доход средний и высокий, менеджеры среднего и высшего звена	7,4
«Ориентированные на моду и стиль»	Средний возраст 25–35 лет, 60% — женщины, доход средний и высокий	8,6
«Ориентированные	Средний возраст 25–35 лет, доход средний,	9,2

на семью»	состоят в браке, имеют или планируют детей	
«Ориентированные на имидж»	Средний возраст 35–45 лет, доход средний и низкий, имеют семью, детей, работают по найму в малом и среднем бизнесе, сфере услуг	15,5
«Статусоориентированные»	Средний возраст 25–45 лет, доход средний, семейные, среднее образование (редко высшее)	0,5
«Незаинтересованные»	Средний возраст 30–45 лет, доход средний и низкий, в остальном характеристики группы противоречивы	21,0
«Ориентированные на экономию»	Средний возраст 50–55 лет, на пенсии или предпенсионного возраста, с низким и иногда средним уровнем дохода, могут совмещать работу и пенсию	7,5
«Ориентированные на владение»	Средний возраст 25–35 лет, доход высокий и средний, преимущественно высшее образование, состоят в браке и имеют детей	4,2
«Ориентированные на лидерство и власть»	Средний возраст 25–35 лет, более 70% мужчины, доход высокий и выше среднего, руководители, владельцы собственных предприятий, ведущие специалисты и сотрудники	3,6

Данная типологизация пользователей мобильных телефонов предоставляет возможности для проведения сравнений как между владельцами мобильных телефонов в разных странах, так и между отдельными социальными группами. Анализ полученных данных позволил установить, что в настоящее время значительная часть индивидов в современном российском обществе стремятся проявлять свое собственное «я», показывать свой уровень доходов и материальное благосостояние, улучшать свой имидж в глазах окружающих и находить возможность для самоутверждения. Мобильный телефон играет для индивидов в этом процессе значительную роль. При этом стратификационная роль телефона проявляется не во всех группах, а сам мобильный телефон не является универсальным стратификационным инструментом: он становится таковым лишь для определенных социальных общностей. Исследованием установлено, что в разных группах в зависимости от их социального, материального и интеллектуального уровня стратификационный эффект от владения телефоном различен, а для каждой типовой группы факторы социальной маркировки будут разными. Так, например, для людей, не интересующихся мобильной связью, сам факт обладания мобильным телефоном (не важно каким) является стратификационным маркером.

Стратификационная ситуация в группах, состоящих преимущественно из молодежи, складывается по другому сценарию, а факторы со-

циальной маркировки и стратификационной дифференциации — уже другие. В молодежной среде значение приобретает современность телефона, его технологичность, количество функций и стоимость. Сочетание этих факторов дает возможность представителям этой группы делать заключение о статусе и престиже владельца телефона и, следовательно, осуществлять стратификационную дифференциацию. Пристальное внимание к мобильному телефону и его функциям в рамках молодежной общности требует от молодых людей следовать задаваемым образцам и соответствовать требованиям социализационной нормы (термин А. И. Ковалевой⁵). Это приводит к тому, что молодежь стремится покупать современные, «стильные», дорогие телефоны, тем самым пытаясь приобрести телефоны, формально не соответствующие их социальному положению. Представители молодежи стремятся повысить свой статус в глазах окружающих и этим демонстрируют готовность и намерение перейти на более высокий социальный уровень.

Эта ситуация находит отражение в рекламе мобильных телефонов. В различных каналах коммуникации, особенно в электронных СМИ, создаются определенные позитивные образы индивидов и социальных групп, которые являются привлекательными для потенциальных потребителей. Таким путем моделируется субъективно ориентированная стратификационная картина общества с учетом потребительской активности указанных социальных групп.

Как следствие всех этих действий формируются предпосылки для проявления квазистратификационных явлений — временных субъективных изменений в стратификационной картине общества или отдельного социума, вызванных влиянием дифференцирующе-маркировочных факторов, таких как мобильный телефон, на индивидов или социальные группы.

Типовые группы, состоящие преимущественно из молодежи, такие как «Ориентированные на впечатления» и «Увлеченные новейшими технологиями», а также группы с невысоким доходом, такие как «Ориентированные на имидж» и «Ориентированные на моду и стиль», образуют внушительную по масштабам неконтактную социальную общность (более 40% пользователей телефонов в России), для которых мобильный телефон является инструментом самовыражения и стратификационным маркером.

⁵ См.: Ковалева А. И. Социализационная норма в современном российском обществе : автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 1997.

При этом в некоторых группах (например, в группе «Ориентированные на труд и карьеру») телефон не является инструментом самовыражения и его стратификационная роль не проявляется так ярко, как в «молодежных» группах и группах с невысоким доходом.

Достаточно слабую стратификационную роль мобильный телефон играет и в группах «Ориентированные на семью» и «Ориентированные на экономию».

В ходе анализа данных также была определена зависимость между возрастом пользователей и степенью их заинтересованности мобильными телефонами.

Молодые пользователи в возрасте 20–25 лет активно интересуются всем новым, что появляется на рынке мобильных телефонов, увлекаются новыми технологиями и стремятся владеть наиболее современными и технологичными телефонами. Для них более характерны эмоциональные факторы выбора мобильного телефона.

С увеличением возраста пользователей приоритеты в группах начинают сдвигаться в сторону меньшей заинтересованности в мобильных технологиях и более рационального, функционально ограниченного подхода к выбору мобильного телефона. В группах пользователей в возрасте 30–45 лет уже нет определенности в отношении эмоциональности либо рациональности при выборе мобильных телефонов. Некоторые группы сохраняют более эмоциональный подход, другие же более рациональный. Результаты проведенных интервью показывают, что эмоциональный подход в средней возрастной категории более свойствен женщинам, в то время как мужчины в этой категории более склонны к рациональному подходу.

Люди пожилого возраста уже не так сильно озабочены выбором определенной марки мобильного телефона и в целом не придают существенного значения факту обладания им. К определенному возрасту, который, согласно полученным данным, составляет 45–50 лет, люди перестают придавать телефону какое-либо социально дифференцирующее значение.

Диссертантом установлено, что своего рода «стратификационный пик» (высшее положение индивида в стратификационной модели общества либо же достижение индивидом максимальной стратификационной ступеньки по его самооценке) достигается именно в середине возрастного перехода от молодежи к старшим возрастным группам. Наиболее материально обеспеченные и социально устроенные группы состоят из пользователей в возрасте 25–35 лет («Ориентированные на лидерство и власть», «Ориентированные на владение» и «Ориентированные на труд

и карьеру»). Эти группы не имеют явных предпочтений (перекосов) в принципах выбора мобильного телефона и выбирают телефон, исходя из собственных нужд и потребностей, что говорит об их относительно стабильной социальной позиции. Эти группы отличаются средним и высоким уровнем дохода. Они (по самооценке) уже достигли определенной высокой позиции в обществе, и у них нет необходимости искать пути символической презентации этой позиции. Они находятся в состоянии временного «социального покоя» и не ищут возможности проявить свой более высокий статус, окружающая среда и внутренние мотивы не требуют этого от них. В момент «стратификационного пика», в котором они находятся, они способны и материально, и психологически уравновесить рациональные и эмоциональные факторы и выбрать тот телефон, который они для себя считают подходящим и который будет их устраивать. Это позволяет соотнести индивидов из этих групп с нарождающимся средним классом российского общества, а также говорить о том, что в рамках среднего класса телефон не является стратификационным средством. Это помогает лучшему пониманию поведения индивидов, относящихся к среднему классу, а также подтверждает изначальную гипотезу в той части, что некоторые группы выбирают телефон в соответствии со статусом своей группы, в то время как другие группы стремятся купить телефон, не соответствующий их статусу.

Важным аспектом исследования является анализ значения заинтересованности индивидов в мобильной связи и мобильных телефонах. В ходе анализа удалось установить, что существует взаимосвязь между степенью заинтересованности в мобильных технологиях и мобильных телефонах и социальной активностью представителей определенной группы. При этом связь заинтересованности с доходом или возрастом не была выявлена.

Интерес к мобильным телефонам проявляется в большей мере в тех группах, которые живут активной социальной жизнью, принимают активное участие в жизнедеятельности своего социума и оказывают на него воздействие — такой вывод вытекает из анализа материалов исследования. А значит, проявление интереса к мобильным телефонам может служить свидетельством социально активной позиции индивида или социальной группы.

Насколько российская ситуация уникальна на фоне мировых процессов социальной дифференциации? Может ли владение мобильным телефоном рассматриваться как один из универсальных маркеров социальной дифференциации в современном мире (т. е. мире начала XXI века)?

Картина распределения индивидов по типовым группам пользователей мобильных телефонов в ряде развивающихся стран, таких как Бразилия, Китай, Индия, Южная Африка и Таиланд, во многом сходна с той, что отмечена в России. Несмотря на то, что во многих странах, в том числе и в России, достаточно большое количество людей незаинтересованы в мобильных телефонах и технологиях (в России более 20% населения), причины этого в разных странах неоднотипны и, по всей видимости, зависят от уровня и характера экономического и социокультурного развития и типа общественной организации. Страны, демонстрирующие высокий показатель «незаинтересованности» в мобильных технологиях, разделяются на две группы: страны «первого звена» (Франция, Германия, Италия, Великобритания) и страны «второго звена» (Мексика, Таиланд, Бразилия, Чили, Россия). В странах «первого звена» наличие большого количества «незаинтересованных» сочетается с большим количеством пожилых людей, т. е. тех, кто в основном ориентирован на простоту и удобство использования мобильного телефона. Мобильный телефон для таких людей важен как надежное средство связи и не является предметом социальной идентификации, влияющим на мнение окружающих и их собственное мнение об их статусе, богатстве, социальной роли в обществе и т. д. Это, с одной стороны, говорит о высоком уровне развития общества в отношении уровня жизни населения, но, с другой, в данных странах достаточно слабо проявляют себя такие молодые и активные группы, как «Ориентированные на владение» и «Ориентированные на труд и карьеру», что может свидетельствовать о некоторой социальной инертности общества и о недостатке факторов, продуцирующих его динамичное развитие.

В странах второго звена группа «Незаинтересованные» занимает приоритетные позиции наравне с группой «Ориентированные на труд и карьеру». Это может свидетельствовать о значительном расслоении населения по уровню жизни, когда те или иные социальные группы пребывают в состоянии безразличия в отношении идентификации своей общественной позиции с помощью мобильного телефона, поскольку людей заботят более насущные проблемы. С другой стороны, наличие группы «Ориентированные на труд и карьеру» говорит о существовании вектора развития общества. Работая и стремясь к собственному благополучию, эта группа является важной движущей силой общественного механизма каждой из стран. Как видно из распределения типовых групп, модель российского общества (с определенными ограничениями) близка к данному типу.

Небезынтересно сопоставление ситуаций в России и Бразилии. В обеих странах значительно представлена группа «Ориентированные на труд и карьеру» (21,5% и 13,1% соответственно), что говорит о том, что бразильское общество, как и российское, в данный момент в большей степени ориентировано на труд, карьеру и достижения. Для сравнения: в США эта же группа пользователей составляет 6,3%, а наиболее многочисленной является группа «Ориентированные на владение» (34,3%), что говорит о том, что американское общество больше ориентированно на потребление и использование имеющихся богатств.

Для России важно учитывать также фактор территориальной дифференциации. Приведем данные о пользовании мобильной связью (с учетом возрастной дифференциацией пользователей) по 7 географическим регионам России: Северо-западному, Центральному, Южному, Уральскому, Дальневосточному, Приволжскому и Сибирскому (таблица 2).

Таблица 2

ПОЛЬЗОВАНИЕ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ ПО РЕГИОНАМ

(По данным Gallup за июнь 2006 г.)

Возраст	Центральный	Северо-западный	Приволжский	Южный	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
16–19 лет	9,6	10,6	12,4	11,8	14,3	14,1	10,3
20–24 лет	13,2	13,5	15,8	16,2	17,2	16,7	15,6
25–34 лет	25,3	21,4	28	24,1	22,7	28,5	32,6
35–44 лет	22,4	20,5	22,7	21,3	26,2	21,3	17
45–54 лет	15,4	16,6	12,9	16	14,9	11,2	16,9
55–64 лет	7,6	11,4	5,2	7,1	3	7	4,4
65+ лет	6,5	6	2,9	3,4	1,6	1,2	Нет данных

Характерно, что в Центральном регионе сосредоточено около 35% всех пользователей мобильных телефонов в России (таблица 3).

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ МОБИЛЬНЫХ
ТЕЛЕФОНОВ ПО РЕГИОНАМ РОССИИ
По данным Gallup за июнь 2006 г.

Центральный	Северо-западный	Приволжский	Южный	Уральский	Сибирский	Дальне-восточный
35	13	18	11	7	12	4

Согласно данным исследования, распределение групп в Центральном регионе достаточно равномерно. Ни одна из типовых групп не проявляет себя в большей степени, чем другие. Это, возможно, происходит из-за наложения социальных картин крупных городов региона, таких как Москва, и их областей на социальные картины регионов. Похожая ситуация складывается также в Северо-западном и Приволжском регионах, где также нет однородной картины распределения. В подобной ситуации установление четких тенденций того, как владение мобильным телефоном отражается на стратификационной картине региона, осложнено и требует проведения дополнительного исследования.

Наиболее явно стратификационная роль владения мобильным телефоном проявляется в Южном и Уральском регионах. В Дальневосточном и Сибирском регионах такая роль выражена в целом менее заметно. При этом картина в Дальневосточном регионе существенно отличается от общероссийской картины. На Дальнем Востоке наибольшими в процентном отношении группами пользователей являются «Ориентированные на владение» и «Ориентированные на семью» (по 18%). Также значительную долю составляют группы «Ориентированные на впечатления» и «Ориентированные на экономию», а группа «Незаинтересованные» является очень незначительной (6%). Это позволяет говорить о том, что в Дальневосточном регионе телефон в большинстве групп не стал инструментом проявления собственного социального положения и пользователи не рассматривают телефон как социально маркировочный предмет.

К этому следует добавить, что в масштабах российского общества за прошедшее десятилетие роль мобильного телефона уже трансформи-

ровалась — от простого разделения по признаку наличия/отсутствия телефона к разделению по признаку обладания телефоном определенного класса, марки. При этом идентификационно-маркировочные критерии изменились и усложнились всего за несколько лет, и в данный момент стратификационная роль уже принадлежит конкретным функциям самого телефона, таким как стоимость, дизайн, набор функций. По мере удовлетворения социальной потребности в данном виде коммуникативных средств стратифицирующая роль мобильного телефона будет изменяться по своему содержанию, пока не утерять ее окончательно.

Итак, подведем итоги.

Собранный материал позволил сделать вывод о том, что для более чем 40% россиян — пользователей мобильных телефонов это средство коммуникации является стратификационно-маркировочным инструментом, определяющим их статус и показывающим их положение в обществе, влияющим на восприятие их статуса окружающими. Стратификационно-маркировочная роль мобильного телефона проявляется прежде всего в молодежных группах и группах с невысоким доходом, стремящихся в ходе своей жизни занять более высокое социальное положение. Более того, в молодежной среде мобильный телефон играет важную идентификационно-маркировочную роль, т. е. становится предметом, который четко идентифицирует индивида с конкретной молодежной группой. В молодежных группах и группах с невысоким доходом проявляется феномен «престижного потребления» мобильных телефонов, когда покупка дорогого мобильного телефона осуществляется с целью повысить свой статус в глазах окружающих.

В результате изучения стратификационной роли мобильного телефона и сравнения данных по разным регионам России установлено, что сам по себе мобильный телефон как новое средство связи уже утрачивает стратификационную роль в масштабах российского общества. Этот период был быстро пройден — всего за несколько лет. В настоящее время, проникнув в широкие слои общества, мобильный телефон стал общераспространенным атрибутом. Тем не менее, его роль в стратификационном процессе еще проявляется в некоторых группах, в которых индивиды считают его индикатором их собственного стратификационного положения.

Из этого следуют и более широкие обобщения относительно социально-структурных характеристик. Мы можем видеть в данной ситуации отражение того, что в переходном обществе стратификационные сходства и различия социальных общностей закрепляются в повседне-

ности выбором определенных предметов и символов как субъективных средств групповой идентификации, а также признаков готовности к социальной мобильности. Одним из таких стратифицирующих средств в условиях существенной трансформации средств и способов межличностной коммуникации, имеющей место в конце XX — начале XXI века, является пользование мобильным телефоном определенной марки, но это явление преходящее. Между тем смена подобных социальных маркеров обладает характером закономерности. Обладание новейшими достижениями науки и техники, приспособленными к использованию в быту, уже достаточно давно соответствует стратификационному контексту общества, по крайней мере — общества европейско-американского типа, где потребление товаров, в своей основе имеющих достижения научно-технического прогресса, свидетельствует в общественном мнении о более высоком качестве жизни. Дефицит таких товаров, неизбежный в начальный период их производства, становится источником «престижного потребления», начинает выполнять роль стратификационного маркера. В 1920-е годы такими маркерами были автомобиль, телефон, в 1950-е — телевизор, в 1980-е — компьютер и т. д. Достаточно быстро эти предметы становились относительно доступными для широкого круга потребителей и их маркирующая роль в процессе стратификации общества терялась.

Применительно к социальной стратификации дело не столько в предметах, выступающих маркерами социальных групп, сколько в инструментах идентификации и в достигаемых консенсусах идентичности, поддерживающих стабильность и социальный порядок в обществе. Такие консенсусы идентичности по сути связаны с тезаурусными конструкциями, выступающими как строительный материал идентификационных моделей. В этом плане тезаурусный подход позволяет прояснить противоречия в социальной структуре и, напротив, некоторую ее устойчивость в быстро меняющейся социальной реальности.

ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДЕНТОВ

В центр настоящего исследования выдвинуты понятия «нормы» и «нормативной идентификации» для группы, обусловившей их своей функциональной и структурной спецификой. Обращение к положениям тезаурусного подхода¹ дает представление о значимости культурной идентификации, фундаментальности процессов взаимодействия в поддержание контекста совместного существования путем построения формальной конфигурации репрезентации культурной идентификации в высшей школе.

Существенным для достижения целей исследования представляется рассмотреть особенности избранного объекта исследования (агентов культурной идентификации + предписываемые им институциональные особенности) в контексте избранного подхода и теории культурной идентификации.

Социологи согласны, что юность — один из наиболее интенсивных периодов социализации. В трактовке Эрика Эриксона наибольшее значение для формирования социальной идентичности имеет период отрочества, когда в целом завершается формирование личности (но окончательно процесс не может быть завершён никогда).

Субъективные статусы молодежи в условиях интенсивной социальной динамики и изменчивости могут быть намного более значимы, нежели объективные. Это зависит от степени гомогенности группы. Если гомогенность группы высока, то идентификация группы будет определяться как «центральная» и «важная», а в том случае, если социальное расслоение преобладает в группе, будут господствовать индивидуально-личностные факторы («периферийная», «второстепенная» идентификация).

В связи с этим рациональным представляется толкование объекта исследования — молодежи как социокультурной группы — через совокупность присущих ей культурных свойств и функций. Молодежь является социальной группой культурного характера, сущность особенностей которой — не в возрасте, а в социализационной неподготовленности, неполной готовности к культурной, общественной практике. Развитие молодежи имеет целью принятие социального опыта, его обновление и подготовку передачи обновленного опыта последующему поколе-

¹ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 93–100.

нию. Смысл молодежной активности представляется не как субкультурный «вызов» или «сопротивление» доминантной культуре, а как процесс конструирования себя, своей идентичности.

Общепринятые для российской действительности границы понятия «молодежь» определены в интервале от 15 до 29 лет. Естественно, целостный процесс культурной социализации и индивидуализации молодежи можно условно разграничить на определенные временные этапы: подростки до 18 лет; работающая молодежь 25–29 лет; а также многочисленная группа учащейся (студенческой) молодежи 18–24 лет. На этот возраст приходятся главные социальные события в жизни человека: выбор профессии и получение профессионального образования. Профессиональное образование концентрирует и усиливает социальные процессы, направленные на поддержание культурной идентичности. Студенчество — особая социальная группа молодежи состоит из тех, кто обучается в высших учебных заведениях, готовясь стать специалистами высокой квалификации². «Студентом является лицо, в установленном порядке зачисленное приказом ректора в высшее учебное заведение для обучения по образовательной программе высшего профессионального образования. Студент получает высшее профессиональное образование по избранному направлению подготовки (специальности) в пределах соответствующего государственного образовательного стандарта путем освоения соответствующей образовательной программы высшего профессионального образования»³.

С одной стороны, как часть молодежи, студенчество обладает соответствующими социально-возрастными характеристиками. При этом оно выступает как наиболее образованная ее сила, как носитель интеллектуального потенциала. Студенчество служит резервом пополнения рядов работников умственного труда и принадлежит к интеллигенции в качестве ее составной части. Интеллигенция⁴ — это наиболее образованная часть общества, лучше других подготовленная к восприятию и ретрансляции социокультурных посланий⁵. Квалификационный уровень интеллигенции высок, она завершила свое образование и, в целом, располагает, включая молодые слои, накопленным предыдущими поколениями символическим «капиталом», обладает умением пользоваться

² Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. / Руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин, глав. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. С. 606.

³ Типовое положение «Об образовательном учреждении высшего профессионального образования Российской Федерации» № 264 от 05.04.2001.

⁴ От лат. *intelligens* — «понимающий, знающий, умный».

⁵ Степанова О. К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 47.

максимально широким спектром приобщения к культуре. Познавательный интерес студенческой молодежи является интегрирующим интересом личности студента, в котором наиболее отчетливо проявляется степень его культурного развития. Именно молодежь, являясь наиболее информированной социальной группой общества, выступая при этом носителем интеллектуального и творческого потенциала, уже сегодня определяет характер содержания будущего России.

В современном обществе по отношению к усвоению совокупности культурных символов (так называемой «культурной нормативизации») выделяют центральные и периферийные группы. Центральные группы составляют создатели, производители культурных норм и ценностей (писатели, ученые, деятели культуры, искусства, образования, издатели — творческая интеллигенция, агенты культурных изменений). Основной вид профильной деятельности для интеллигенции и молодежи, получающей высшее образование, может быть сформулирован как получение, усвоение и передача ценностей. Очень часто среда интеллигентов-интеллектуалов связывается с университетской, студийно-художественной, журналистско-писательской средой. Традиционно считается, что половозрастная группа студенческой молодежи стремится войти в центральную группу, то есть занимает промежуточное место. Основным критерием принадлежности к центральной социальной группе является включение в социокультурное взаимодействие (в данном случае, как способа получения и передачи информации).

Следует ли из проведенной параллели, что основной задачей студента высшего учебного заведения России является «осмысление человеческих жизненных ценностей сквозь призму языка с помощью культурной памяти»⁶? Или очевиден противоположный вектор? Идентификация российской молодежи с культурными образцами меняется, происходит популяризация культурных стандартов — для большинства они снижаются до упрощенных массовых образцов.

В данном конкретном случае рассматривается процесс интеграции индивидов в возрасте от 16 до 24 лет в студенческую общность некоего социального института. В центре нашей работы вторичная социализация, связанная с воздействием на молодого человека вторичной социальной группы и социального института (в общей форме) как такового. Воздействие это, как правило, осуществляется в нескольких направлениях, а отношения при этом носят преимущественно институционали-

⁶ Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996. С. 297.

зированный характер⁷ (для этого используется материально-техническая база, высококвалифицированные кадры, отработанное содержание, технологии, способы и процедуры): СМИ, производственный коллектив, культурные учреждения, религию и, прежде всего, систему образования.

Система образования является основным социальным институтом, обеспечивающим воспроизводство общества (главная цель любой системы образования, т. к. общество заботится, прежде всего, о постоянстве присущих ему общественного строя, менталитета, культуры и т. д.). Право на образование является одним из прав человека, которое служит ключевым фактором расширения и развития знаний, представляет собой исключительно ценное культурное и научное достояние как для каждого человека, так и для общества. Образование — это 1) вид человеческой практики по передаче и усвоению культурного опыта; 2) одна из форм социализации и воспитания человека, протекающая в ценностно-ориентированной и методически организованной среде обучения; 3) социальный институт, предназначенный для сохранения и передачи в режиме обучения достижений поколений, основ цивилизации, сложившегося институционального устройства общества⁸.

Образование осуществляет следующие функции социального института: транслирует социокультурное наследие (передает ценности господствующей культуры); генерирует и сохраняет культуру общества; социализирует личность и интегрирует ее в общество. Наиболее достижимые результаты здесь является высшее профессиональное образование⁹.

Институты высшего образования ритуализируют реальные жизненные взаимодействия молодых людей с определенной социально значимой точки зрения групповых интересов. Л. Г. Ионин отмечает, что «чем ... образованнее, культурнее (в общепринятом смысле этого слова)

⁷ Ионин Л. Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3.

⁸ Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 208.

⁹ Высшее профессиональное образование — образование на базе среднего (полного) общего или среднего профессионального образования, осуществляемое в высшем учебном заведении по основным профессиональным образовательным программам, завершающееся итоговой аттестацией и выдачей выпускнику документа о высшем профессиональном образовании. В вузах ведется планомерная подготовка обучающихся к определенным профессиям, по окончании учебных заведений выпускникам присваивается специальность и квалификация.

человек, тем большую роль в его жизни играют ритуальные моменты»¹⁰. Под «образованностью» (аспектом образования) здесь понимается наличие у молодого человека определенного уровня культуры, знаний, подготовленности, соответствующих некоему признанному образцу, стандарту. Институт высшего образования специально отвечает за создание, сбор, хранение и распространение информации, «законсервированной» в виде письменных сообщений, это учреждение, влияющее на процесс культурной социализации и направляющий его. Институт высшего образования уделяет большое внимание специфике кодов и влиянию каналов передачи сообщений на их качество и характер восприятия молодыми поколениями людей, проходящих стадию социализации, усваивающих образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции. В образе жизни людей на этом этапе такая подготовка становится ведущим модусом, предполагающим значительные затраты индивидуальных усилий и времени. Он (институт) использует большое количество учебников, в которых явно и неявно утверждается, что образование ведет к интеллигентности, хорошей работе и денежному успеху.

Профессиональная социализация вуза состоит не только в овладении специализированными трудовыми знаниями навыками, в приобщении к соответствующей профессиональной культуре, но и осуществляется как приобретение новых социокультурных знаний и навыков, интерпретация своего нового статуса и нового опыта студента. В это время также развиваются навыки пользования признаками социокультурной дифференциации и существования в неоднородной культурной среде. Таким образом, вторичная социализация студентов вузов (в возрасте от 18 до 24 лет) характеризуется использованием навыков учения как средства получения лично и социально значимых результатов, в том числе для более широкого освоения культуры. В этот период изменения в поведении человека происходят за счет самостоятельного выбора новых знаний и навыков для освоения, а также за счет применения к нему отрицательных санкций со стороны института высшего образования.

Именно высшие учебные заведения должны быть проводниками социокультурных идей, формировать подлинную интеллигенцию. Высшее образование дает способность к интерпретационной деятельности — пониманию смысловой и оценочной информации в конкретной социальной ситуации. Уровень образования не только отражается на образе мышления, поведении каждого человека, он превращает ценности куль-

¹⁰ Ионин Л. Г. Социология культуры. М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. С. 127.

туры, нравственности и предметов изучения в содержательную основу образования и жизнедеятельности.

Для синхронизации передачи новым поколениям основ накопленного опыта, высшая школа «консервирует» структуры знания в некую универсальную, однообразную устойчивую форму, которая получает свое закрепление и транслируется всеми учебными заведениями в рамках единого образовательного пространства. С одной стороны, она должна представлять собой устойчивое регулятивное образование, в котором утверждается все однозначно признанное и оправданное членами сообщества, а также кодифицированное в регламентирующих актах, то есть нечто консервативное и монолитное. С другой стороны — следовать за развитием науки, новыми социокультурными реалиями, то есть включать в себя подвижные формы поведения (выявляющиеся пока только на фоне социальной активности).

Понятие «нормы» как некоей стереотипной последовательности жестов лежит в основе построения учебного процесса высшего учебного заведения (воспроизводства и трансляции ценностей любого институционального образования в обществе). В статистическом смысле это определение не представляет ценности для настоящей работы (норма как средняя величина, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений). Норма — это понятие, обозначающее границы между трансформациями, в которых явления и системы (природные и социокультурные), человеческая деятельность, поведение и общение, сохраняют свои качества и функции, задающие их внутреннюю соразмерность, упорядоченность.

Нормирование и нормализация исторически имеют особо важное значение для любого социального института общества, поскольку нормальное существование социальной системы сопряжено с уравниванием и сохранением ее основных функций. Универсальные и специальные (регулируют деятельность отдельных групп) нормы имеют единый источник происхождения — доминирующие ценности культуры.

Приращение культурных способностей в микрогруппах связывается многочисленными педагогическими и социологическими концепциями с развитием личности с акцентом на усвоение человеком современных норм, на формирование соответствующих нормативных социальных качеств. Приращение культурной нормы в целом — это увеличение числа различных подъединиц и культурных символов среди возрастающего населения, следовательно, на микроуровне — это приращение культурных способностей индивида в пространстве. Закрепленная таким образом норма «отсылает» к «стоящей за ней» и «выражаемой»

ценности конкретного набора знаний, умений и навыков индивида для общества. Статус абсолютности в рамках социокультурного исследования получают нормативные ценности как закон функционирования социокультурной целостности, устойчивости и самотождественности. Поэтому поддержание нормы и перманентная социализация индивидов является условием сохранения социального порядка.

Социальные нормы не абсолютны. Проблема квалификации образца социального поведения как нормы или отклонения указывает на реформирование социальной ценности, трансформацию базового рассматриваемого типа. При описании современного студенческого сообщества следует помнить, что реальность и устанавливаемая норма находятся на некоем расстоянии друг от друга. Выделение типа социальной нормы для группы обуславливает отделение идеального, желаемого и реального типов. При подобном разделении реальное поведение средней группы может оцениваться как приемлемое и терпимое. Можно предположить, что культурная идентификация современного студента продемонстрирует несоответствие между реальным поведением и идеалом/желаемым нормативом.

Стратегическое значение для нашего исследования имеет построение устойчивого регулятивного образования (а также сопутствующих явлений), используемого институтом высшей школы для консолидации и синхронизации единого социокультурного пространства.

Формально функционирование нормы осуществляется на знаковом (закрепление в санкционируемых культурой сводах правил и т. д., а также в текстах культуры как таковых в плане нормативного их содержания) и социальном (встроенность как схем поведения в деятельность, поведение, общение) уровнях. Реальные и идеальные социальные нормы воспринимаются и устанавливаются объективно и субъективно. Объективно и знаково норма Института высшего образования устанавливается государственным образовательным стандартом. Образовательный стандарт относится к специально разрабатываемым нормативам государственной политики, целенаправленно внедряемым в социальную жизнь.

Объективно конкретная социальная норма устанавливается в правовых актах, программах, положениях, инструкциях и других документах, т.е. создается чиновниками в рамках существующего образовательного стандарта. Объективные потребности в специалистах высшей школы испытывают работодатели, оказывая существенное влияние на конкретное нормирование процесса вне вуза. Их интересы и потребности учитываются как теоретизированный фактор данного исследования.

В процессе передачи опыта последующим поколениям в высшей школе ведущая роль отводится основным носителям нормы — преподавателям, закладывается в концепциях и программах различных ступеней. Социальная норма преподавания предмета является конституирующей базой как для института высшего образования, так и для статусно-ролевого комплекса студента выступает в качестве основы содействия социальных практик. Субъективно норма высшей школы проявляется в конкретных требованиях руководства вуза и преподавателей. Субъективной является также самоощущение для исследуемой социальной группы. Ее во многом детерминируют особенности конкретной совокупности индивидов. Эта норма проецируется в качестве возрастного поведенческого норматива на основе определенных ценностных оснований и других ориентиров развития, демонстрируемых студенчеству.

Динамика и трансформация исследуемой нормы на первый взгляд противоречит основному принципу Высшей школы по консервированию и сохранению стандартов, зарекомендовавших себя ориентиров прошлого. С другой стороны, многомерность проявления нормативов свидетельствует о наложении совокупных «заинтересованных» полей. В «области их пересечения» правомерно говорить о совпадении базового рисунка культурной идентификации (представляемого Высшей школой и усваиваемого студентом). Данное совпадение рассматривается автором применительно к конкретному проблемному полю внутри избранного социального образования, учитываемого на всех уровнях, демонстрирующих нормирование, установление рамок исследуемого культурного образца.

Университет¹¹ — это статус высшее учебное заведение, который содержит в себе ожидаемые культурные характеристики. Прежде всего, это обязательство соответствовать содержанию и качеству подготовки выпускников установленным нормативной конфигурацией требованиям (а также: реализация образовательных программ высшего и послевузовского профессионального образования по широкому спектру направле-

¹¹ О высоком статусе университетского образования (на порядок выше статуса академии и института) свидетельствуют требования международных нормативных актов, ратифицированных на территории Российской Федерации. Данные акты подчеркивают ценность квалификации «университетского образования», эквивалентность периодов «университетского образования», доступность «университетского образования» на территории Европейского региона. Конвенция «О признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе» от 11.04.1997; Европейская конвенция «Об эквивалентности периодов университетского образования» от 15.12.1956 и др.

ний подготовки (специальностей); осуществление подготовки, переподготовки и (или) повышения квалификации работников высшей квалификации, научных и научно-педагогических работников; выполнение фундаментальных и прикладных научных исследований по широкому спектру наук; ведущий научный и методический центр в областях своей деятельности; способствование приобщению к культуре, сообщение аксиоматических оснований для социально «правильного», нормативного поведения, «повышение уровня социальной адаптивности личности»¹².

В идеале, ценность университетского образования как самостоятельного социального феномена, имеющего целью социокультурную, личностную и статусную привлекательность заключается в приобретении «интеллигентности», т. е. способности молодого человека постоянно черпать знания, готовности понимать другого человека и другую культуру.

Отправной точкой норматива университета, как уже отмечалось выше, является государственный образовательный стандарт. Как цель и результат социального проектирования, ГОС представляет собой с точки зрения тезаурусного подхода систематизированный перечень информации (знаний и установок). Суть актуализации теоретизированных рекомендаций — в признании активности субъекта социального действия (в данном случае чиновников, преподавателей, студентов и работодателей) в качестве решающего фактора, определяющего содержание и формы усвоенного тезауруса.

Наполнение идентификационного пространства ГОСа происходит при получении образования¹³. Его содержание определяется образовательной программой, разрабатываемой, принимаемой и реализуемой образовательным учреждением самостоятельно. Учебный процесс по программе университета регламентируется учебным планом, годовым календарным учебным графиком и расписанием занятий. Анализ документов, регулирующих содержание идентификационного пространства университета, выявил некоторые актуальные позиции формирования социокультурной нормы:

- 1) Нормативно-правовые акты ГОСВО (Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования) соз-

¹² Васильев, О. Н. Социализация личности в условиях формирования информационного общества : автореф. дис. ... канд. философ. наук / Васильев Олег Николаевич. Волгоград, 2000. С. 19.

¹³ Под получением образования понимается достижение и подтверждение обучающимся определенного образовательного ценза, который удостоверяется соответствующим документом (Закон об образовании РФ № 3266-1 от 10.07.1992)

дают поддержку адекватного мировому уровню общей и профессиональной культуры общества.

- 2) Объективно на знаковом уровне постулируется необходимость формирования у обучающегося адекватной современному уровню знаний и уровню образовательной программы (ступени обучения) картины мира.
- 3) Перечень направлений специальности высшего профессионального образования должен охватывать все существующие и перспективные области науки, техники и культуры. Каждое направление должно иметь социальную и личностную значимость.
- 4) Основная профессиональная образовательная программа должна включать гуманитарные, социально-экономические, естественно-научные дисциплины общенаучного характера, а также общепрофессиональные дисциплины, специальные дисциплины и практику, имеющую профессиональное назначение.
- 5) В содержание образования первых двух лет обучения рекомендуется включать преимущественно дисциплины, имеющие общекультурную функцию, а также дисциплины, составляющие фундамент подготовки будущего специалиста.
- 6) Содержание рекомендованного учебного курса в соответствии с ГОСВО имеют право определять научно-педагогические работники высшего учебного заведения.
- 7) Постулируется достижение современного уровня содержания образования, гуманизация, ориентация на развитие личности, формирование системы жизненных ценностей, социальных норм и иных элементов культуры.

В современной культуре формируется точка зрения на образование как на бинарное явление — процесс введения человека в культуру и результат овладения им всеобщего знания¹⁴. То есть образование предполагает овладение не только основ наук, но и основных элементов культуры. Концепция «гуманистического образования» утверждает, что дальнейший прогресс в развитии общества будет зависеть от того, насколько молодое поколение овладело ценностями культуры¹⁵. Гуманизация образования выражается в увеличении доли гуманитарных дисциплин, усилении гуманитарного содержания естественных и теоретических дисциплин и т. д. Гуманистическая составляющая — один из са-

¹⁴ Камшилова, Н. П. Гуманизация системы образования в современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Камшилова Наталья Петровна. Саратов, 2000. С. 13.

¹⁵ Там же. С. 14–15.

мых базовых аспектов системы современного высшего профессионального образования, тогда как гуманизация — основополагающий принцип, фундаментальное начало всего процесса, всех уровней и элементов. Таким образом, одним из важнейших направлений развития высшего и послевузовского профессионального образования в университете (в том числе российской высшей школы) становится гуманизация образования, разработка современной структуры учебных дисциплин общественного и социально-гуманитарного цикла и их содержания, подготовка соответствующей научной, учебной и методической литературы.

Социальный заказ современного общества — формирование человека, ориентированного на высшие духовные и гуманистические ценности — находится в зависимости от гуманистического характера социализационного процесса и, прежде всего, гуманизации образования, как целенаправленного процесса. Традиционно считается, что транслирование гуманистических идеалов через систему высшей школы предназначено для поворота технократического профильного образования к целостной картине мира, миру культуры, гуманистическому системному мышлению, диалогическому взаимодействию как форме сотрудничества. В рамках системы это обуславливает культурную социализацию, материалом для которой служит содержание учебных дисциплин особого блока. Именно общегуманитарные учебные дисциплины в программе российского университета составляют фундамент культурной идентификации индивидуума. С точки зрения социологии культуры общегуманитарные дисциплины максимизируют культурное пространство взаимодействующих индивидов. Насыщение пространства напрямую коррелирует с нормативной идентификацией как с необходимым условием его (пространства) поддержанием.

Социальное поведение личности обусловлено уровнем активированных у индивида диспозиций, иными словами осмыслением своей принадлежности к данной общности в ситуации, предполагающей выбор социального действия. На культурную идентификацию молодежи непосредственным образом влияют мировоззренческие установки, касающиеся «образования» как целостного феномена. В случае автоматического освоения предлагаемых стандартов, молодой человек может определять границы внешних идентификаций (доминирование массовой культуры унифицирует его духовные потребности, выводя их в рекреативную сферу). Подобная обусловленность внешней идентификации носит конформистский характер и формирует установку на квазипотребление духовных ценностей. Вследствие чего социологи, работающие

с молодежью, делают вывод, что к гуманитарным знаниям относится роль необязательного досугового занятия.

Основанием для моделирования пространства «гуманитарных наук» в высшей школе послужило предположение о смещении устойчивых пластов нормативной трансляции социокультурных смыслов. Как уже отмечалось, культурная идентификация выкристаллизовывается в знаках и символах, в которых передается от поколения к поколению, от культурной группы носителей к новичкам. Это и является стабильным ядром культурной идентичности. Иными словами, активной конфигурацией признается определенный систематизированный состав информации (знаний) и установок основ гуманитарных наук, позволяющих ориентироваться в дальнейшем в многообразных теориях.

Согласно макету государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования¹⁶ за основу обязательного минимума содержания и уровня подготовки рекомендуется принимать цикл «Общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин» (ГСЭ), который должен включать не менее 5 дисциплин из 11: иностранный язык, физическая культура, история человечества, культурология, политология, правоведение, психология и педагогика, русский язык и культура речи, социология, философия, экономика. Основным в данной работе будет считаться перечень из 10 дисциплин (кроме физической культуры) с сопутствующими характеристиками.

Рассмотрение блока гуманитарных учебных дисциплин программы университета (с применением тезаурусного подхода) позволяет сориентироваться на пересечении символического, предметного и ценностного мира учащейся молодежи. Этот блок в рамках данной теории может быть охарактеризован как фундаментальная excellence классической культуры¹⁷. Традиционно содержание учебного материала общегуманитарного блока в профессиональной программе российского университета концентрирует накопление нормативного фундамента, верхней «планки» в освоении «всего лучшего», что было достигнуто обществом и что потребует для адекватной интерпретации информации в

¹⁶ Государственный образовательный стандарт высшего образования подготовки выпускника по специальности предусматривает изучение студентом следующих циклов дисциплин:

- цикл ОПД — общепрофессиональные дисциплины направления;
- цикл ЕН — общие математические и естественно-научные дисциплины;
- цикл СД — специальные дисциплины;
- цикл ФТД — факультативы;
- цикл ГСЭ — общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины.

¹⁷ О.И. Карпухин противопоставляет «классическую культуру» культуре массовой.

поведении людей в будущем. Это идеальный тип идентификации, эталонная совокупность созданная образовательным институтом на данном этапе развития общества. Данная совокупность постулируется документальными свидетельствами культурной нормы (законодательными и административными), вследствие чего также может быть названа нормативной или предписываемой.

Наряду с данным типом существуют базисный и реальный типы. Базисный (желательный, приемлемый) тип заявляется и демонстрируется преподавателями (как «трансляторами» идеального типа) конкретного образовательного сообщества. Наполнение, стратификация и локализация общегуманитарного блока имеют традицию в каждом вузе. Здесь напрямую актуализируется субъективная составляющая, что позволяет перейти от условной конфигурации к особенностям современных конкретных сообществ (сбор эмпирических данных). С одной стороны, ориентирующим инструментом тезауруса преподавателя выступает идеальная идентификация (ГОСВО + известные объективные и субъективные, социальные и знаковые ожидания), с другой, — происходит постоянное оценивание «другого» с позиции собственного тезауруса (и корректировка уровня содержания учебного процесса по предмету соответственно).

Реальный тип — это тип, статистически показанный на примере определенной социальной совокупности (референтной группы студентов). «Интенсивность» культурной идентификации реципиентов зависит от того, какое место в иерархии личностных идентификаций занимает данная идеальная идентификация (устойчивость, осознанность), насколько она соотносится с групповой идентификацией, а также от конкретной ситуации принятия решения.

Реальный тип культурной идентификации студентов находится на некотором расстоянии от идеального и желаемого типов. Исследуемая тезаурусная совокупность является «конечным звеном» системы, демонстрирующей эффективность заданных структурных компонентов. Во многом эта эффективность определяется ориентационными задачами субъектов. Установка тезауруса студентов на отклонение, искажение и игнорирование информации в рамках обще гуманитарных и социально-экономических дисциплин может быть обусловлена доминирующим последовательным влиянием средств массовой культуры (например, СМИ). В данном случае многое зависит от руководства вуза и преподавательского состава, как «значимых других», формирующих для эффективного образовательного процесса тезаурусные фрагменты классической культуры.

Под культурной идентификацией при получении эмпирических данных будет пониматься идеальное отождествление индивидом себя с позицией разделения транслируемых социокультурных практик вуза. Семантическое пространство «значимых других» является максимально насыщенным культурными знаками прообраза пространства будущей деятельности. Следовательно, вербальный метод способен отразить сознательный уровень культурной идентичности.

Успешность культурной идентификации группы фиксируется по установленному соответствию некому индикатору. В данном случае — это код классической культуры. Гипотетически, данное культурное основание выражает степень согласованности между культурными стандартами, нормами и образцами поведения молодых людей, уровень адекватности отображения культурных образцов. На эмпирическом уровне показателями согласованности является степень включенности в образовательную деятельность по передаче культурных стандартов образовательного института (то есть то, в какой мере ее разделяют).

На основании этого возможно сделать предположение о том, что практические выводы о культурной идентификации студентов конкретного учебного заведения могут быть сделаны путем построения шкалы соответствия «реальных» представлений фундаментальным («идеальным») понятиям. Продемонстрированное желание разделять традиционную точку зрения на общегуманитарный блок предметов современного университета позволяет судить об устойчивости нормативного стандарта, что, в свою очередь, свидетельствует о включении культурной идентификации современного студента в ядерную зону идентификационных накоплений. Иерархичность, восприятие приоритетов сквозь призму ценностного подхода выявляет актуальность интересующих нас потоков информации.

Отметим еще раз, что целью деятельности по преподаванию гуманитарных дисциплин выступает формирование отдельных качеств и свойств личности как единственного и абсолютного объекта этой деятельности. Средством функционирования обще гуманитарных и социально-экономических дисциплин в образовательном пространстве университета является обмен сущностными силами между актуализаторами идентификационной нормы и агентами социализационного процесса, их культурными артефактами — идеями, навыками, научными и художественными моделями мира, знаниями и т. д. в процессе общения. Способом функционирования блока общегуманитарных предметов является деятельность институциональная, то есть оформленная системой. По роли в процессе «заинтересованные участники» трансляции и потребле-

ния культурных образцов могут быть названы «проводниками» (преподаватели) и «потребителями» (студенты) нормы. По уровню удовлетворения культурных потребностей возможно дифференцировать основных «заинтересованных субъектов» на основе ценностного восприятия/ невосприятия содержания обще гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Таким образом, предметы общегуманитарного цикла выступают в качестве посредника в процессе передачи универсальных культурных оснований сосуществования людей. Максимальная результативность предметов означенного цикла (степень включенности в образовательную деятельность по предмету) со стороны всех заинтересованных лиц связывается с культурной идентификацией студентов в современном вузе. Необходимый социокультурный эффект системы достигается при условии четкого соответствия структурных компонентов.

ТЕОРИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ

Социализация в современной социологии рассматривается как «двусторонний процесс (1) постоянной передачи обществом и (2) освоения индивидом в течение всей его жизни социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющий индивиду функционировать в данном обществе»¹. Этот взгляд на социализацию сформировался в диалоге и борьбе ряда научных направлений и школ. Специфика феномена социализации состоит в том, что он находится на пересечении предмета ряда гуманитарных наук и научных дисциплин — кроме социологии также психологии личности, социальной психологии, социальной антропологии, педагогики и др. Его применение в науке начинается в конце XIX века, когда еще не произошло разделения предметов социологии, психологии, антропологии, и в это время к нему обратились как раз те ученые, которые стремились изучить процессы, происходящие в личности под воздействием общества. Вот почему понятие «социализация» встречается прежде всего в трудах Г. Тарда, Э. Дюркгейма, Ф. Гиддингса, У. Джемса, хотя сама проблема поставлена раньше — в трудах О. Конта, К. Маркса и Ф. Энгельса, Г. Спенсера.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс фактически говорили о процессе социализации, когда утверждали, что «развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении... различные поколения индивидов, вступающие в отношения друг с другом, связаны между собой... физическое существование позднейших поколений определяется их предшественниками... история отдельного индивида отнюдь не мо-

¹ Ковалева А. И. Социализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 139. См. также: Ковалева А. И. Социализация личности: норма и отклонение. М., 1996; Ковалева А. И., Луков Вал. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М., 1999; Ковалева А. И. Социализация // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2004. Т. 2. С. 445–448. Определение А. И. Ковалевой расширяет понимание социализации по сравнению с известным определением Ж. Т. Тощенко; «Социализация представляет собой процесс становления личности, постепенное усвоение ею требований общества, приобретение социально значимых характеристик сознания и поведения, которые регулируют ее взаимоотношения с обществом». Тощенко Ж. Т. Социология. М.: Прометей, 1004. С. 228.

жет быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, а определяется ею»².

Уже на раннем этапе выявилось стремление найти какое-то главное основание, определяющее поведение человека в обществе, многие ученые конца XIX — начала XX века попытались связать социализационные эффекты с таким основанием. Так, Габриэль Тард стремился выявить связь социализации с подражанием³. Он обратил внимание на то, что «индивидуальное согласие... влечет за собой несогласие социальное» в том смысле, что существует дефицит желаемых людьми предметов. «Для устранения этой неурядицы представлялось только одно средство. Нужно было, чтобы из этих противоречивых галлюцинаций, какие в большом числе возбуждал у первобытных людей вид окружающей природы, выделилась одна или несколько таких, какие были свойственны какому-нибудь замечательному человеку и которые оказались бы в конце концов признанными всеми. Это происходило вследствие личного влияния этого человека и подражательной доверчивости его близких»⁴. Хотя обобщения Тарда оказались слишком безграничными и потому критиковались современниками, он поставил важный для теорий социализации вопрос о роли взаимодействия в организации социального поведения людей.

У Эмиля Дюркгейма концепция социализации опирается на выдвинутый им принцип социологизма. В духе этого принципа он, в частности, дал убедительную трактовку воспитания, направленную против представлений о воспитании как индивидуальном действии педагога по отношению к воспитуемому, что было характерно для педагогики. Дюркгейм рассматривал воспитание как социальный институт, который «в течение веков и во всех известных обществах» менял свою природу. Он связал воспитание с социализацией и писал по этому поводу: «Общество может существовать только тогда, когда между его членами существует достаточная степень однородности. Воспитание воспроизводит и укрепляет эту однородность, изначально закладывая в душе ребенка главные сходства, которых требует коллективное существование. Но с другой стороны, без известного разнообразия любая кооперация была бы невозможна. Воспитание обеспечивает сохранение этого необходимого разнообразия; при этом оно само дифференцируется и специализируется. Стало быть, в обоих своих аспектах оно состоит в со-

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. М., 1985. Т. 2. С. 411–412.

³ См.: Тард Г. Законы подражания. СПб., 1899.

⁴ Тард Г. Социальная логика. СПб.: Соц.-психол. центр, 1996. С. 123.

циализации молодого поколения»⁵. Дюркгейм также связывает социализацию (воспитание) с подражанием, воспитание для него «не больше, как образ и подобие общества. Оно подражает ему, воспроизводит его, но не создает его»⁶. Но здесь подражание уже не способность человека, а объективный процесс: «Если моральная среда испорчена, то и сами воспитатели, живущие в этой среде, не могут не быть пропитаны той же порчей. Как же они могут дать тем характерам, которые они формируют, иное направление, отличное от того, которое сами получили? Каждое новое поколение воспитывается предшествующим. Следовательно, данному поколению надо самому исправляться, чтобы исправить следующее поколение. Это заколдованный круг. Возможно, конечно, что время от времени появляется человек, который по своим идеям и стремлениям опережает современников, но не при помощи отдельных личностей пересоздается моральный строй народов... воспитание может реформироваться лишь тогда, когда реформируется само общество»⁷.

В утверждении понятия «социализация» значителен вклад Франклина Гиддингса, чьи положения об определяющей роли социального принуждения легли в основу его теории социализации как «сплавления различных элементов самого разнообразного населения в однородный тип»⁸. Уильям Джемс выявил в социализации психологический аспект: влияние различных социальных сообществ на личность, с ними связанную, столь велико, что «на практике получается деление человека на несколько личностей; это может повести к дисгармоничному раздвоению социальной личности»⁹.

Из последующих теоретических концепций социализации особый интерес представляет, с одной стороны, концепция Т. Парсонса, в которой проявились особенности понимания общества с точки зрения его структуры и функций, с другой — концепции представителей такого понимания общества, где большее значение придается уникальным человеческим общностям и уникальности человека как участника социальной жизни: предшественников и представителей символического интеракционализма (Ч. Х. Кули, Дж. Г. Мид, Г. Блумер), феноменологической социологии (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), этнометодологии (Г. Гарфинкель), социологов, стремящихся соединить макро и микро-

⁵ Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 154.

⁶ Дюркгейм Э. Самоубийство: Пер. с фр. / Изд. подгот. Вал. А. Луков. СПб.: Союз, 1998. С. 451.

⁷ Там же.

⁸ См.: Giddings F. P. The theory of socialisation. N. Y., 1897.

⁹ Джемс У. Психология / Под ред. Л. А. Петровской. М.: Педагогика, 1991. С. 84–85.

циологические подходы к обществу (И. Гофман, Э. Гидденс, П. Бурдьё и др.).

Толкотт Парсонс относит социализацию к двум основным средствам (второе — социальный контроль) установления социального равновесия. Социализацию он связывает с интериоризацией общепринятых норм, когда индивид «вбирает» в себя общие ценности в процессе общения со «значимыми другими»¹⁰. Тем самым он развивает концепцию интериоризации Л. С. Выготского, который понимал под ней основной механизм обучения — «переход от наблюдаемого и автоматически повторяемого (за наставником или коллективом) действия к его самостоятельному сознательному осуществлению»¹¹.

Я-концепция Чарлза Кули переносит в социализации акцент на «социальную самость», или «зеркальную самость» (образ нашего облика в представлении другого человека, образ его суждения о нашем облике, самоощущения от этих образов)¹². Отсюда внимание ученого к малым группам — семье, соседям, друзьям, где, по его мнению, только и рождается человеческая природа: «Человек не имеет ее от рождения; он может обрести ее лишь благодаря товариществу; в изоляции она приходит в упадок»¹³.

Джордж Мид точно так же связывает социализацию с формированием «Я» и «Меня», со «значимыми другими», общение с которыми приводит к появлению абстрактного представления об «обобщенном другом»¹⁴.

Феноменологическая социология, у истоков которой были работы А. Щюца¹⁵, а наиболее значительными представителями стали П. Бергер и Т. Лукман¹⁶, раскрыла связь социализации с повседневностью.

Понятие «социализация» продолжает разрабатываться и в последнее время. Так, Э. Гидденс в своей «Социологии» определяет социализацию как «социальные процессы, в соответствии с которыми дети при-

¹⁰ См.: Parsons T. *The Social System*. Glencoe, 1951. P. 41–42.

¹¹ Шейкин А. Г. Выготский // *Культурология. XX век: Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. и сост. С. Я. Левит. СПб.: Унив. книга; Алетейя, 1998. Т. 1. С. 136.*

¹² См.: Кули Ч. *Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 316–329.*

¹³ Кули Ч. *Первичные группы // Там же. С. 334.*

¹⁴ См.: Мид Дж. *Аз и Я // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 229–230.*

¹⁵ Щютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А. Я. Алхасов; Пер. с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.*

¹⁶ Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд; Academia-Центр; Медиум, 1995.*

общаются к социальным нормам и ценностям; в этом процессе происходит становление их личности. Несмотря на то, что процессы социализации особенно важны для индивида в детском возрасте, они протекают на протяжении всей его жизни. Ни один человек не может существовать без воздействия на него других людей, и это сказывается на поведении индивида на всех этапах его жизненного цикла»¹⁷.

Новый аспект вносит и рассуждение Пьера Бурдьё о соотношении социализации и социального института: «...Процесс социализации — чисто социальный, но почти магический, — освященный актом институтирующего указания (“маркировки”), делающего из индивида “старшего”, “наследника”, “последователя”, “христианина” или попросту мужчину (в противоположность женщине) со всеми вытекающими привилегиями и обязательствами, [этот процесс] длится, усиливается и подтверждается социальными толкованиями, способными превратить различия институций в естественные различия, и может оказать совершенно реальные воздействия, поскольку он прочно входит в тело и в веру»¹⁸.

А. И. Ковалева, анализируя различные концепции социализации¹⁹, особое значение придала неопозитивистской (бихейвиористской) концепции социальной интеграции П. А. Сорокина, в которой выделены три важнейших фактора социальной интеграции, а именно:

1. «Космическо-географическая» социализация индивидов: климат, территория и т. п.

2. «Биолого-физиологическая» социализация: основные инстинкты и стимулы, заставляющие людей вступать в многочисленные взаимодействия.

3. «Психологическая социализация»: внушение, подражание, эмоционально-интеллектуальные контакты и т. п.²⁰

Большое значение придается также концепциям, идеям и подходам к социализации, изложенным в трудах З. Фрейда²¹, М. Вебера²², Р. К. Мертона²³, Н. Смелзера²⁴, Э. Эриксона²⁵, Э. Фромма²⁶, В. Франк-

¹⁷ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 672.

¹⁸ Бурдьё П. Практический смысл. Пер. с фр. М.–СПб.: Ин-т эксперимент. социологии, Алетейя, 2001. С. 112.

¹⁹ См.: Ковалева А. И. ... Дис... доктора социол. наук.

²⁰ См.: Сорокин П. А. Система социологии. Пг.: Колос, 1920. Т. 1. С. 261—287.

²¹ См.: Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений /Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1989.

²² См.: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

²³ См.: Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. С. 299–313.

ла²⁷, ряда других известных исследователей. Значима также «критическая теория социализации» Ю. Хабермаса²⁸. «В рамках этой теории процесс социализации охватывает не всего человека, а только «часть» его личности, которая представляет общественную сущность индивида, его социальный характер, обеспечивающий ему функционирование в обществе. Другая же его «часть» дает ему возможность «держаться некоторую дистанцию» по отношению к господствующей в обществе системе ролей, норм, ценностей, т. е. позволяет критически относиться к элементам социальной среды, мешающим человеку самоутвердиться»²⁹.

Анализ концепций социализации позволяет обнаружить еще у их истоков два разных подхода. Если Э. Дюркгейм, а вслед за ним Т. Парсонс и их последователи рассматривали социализацию в первую очередь с позиций общества (его норм, ценностей, установок, требований), то Г. Тард и его последователи — с позиций личности. Своего рода выход из обозначившегося противоречия можно найти в докторской диссертации М. В. Ромма «Социальная адаптация личности как объект философского анализа»³⁰. Обозначив первый путь как нормативный подход (Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р.К. Мертон, К. Леви-Стросс и др.), а второй — как интерпретативный подход (У. Джемс, Э. Фромм, М. Вебер, В. Дильтей, Дж. Г. Мид, Г. Блумер, У. А. Томас, С. Эш, Л. Росс, Р. Нисбетт, П. Бергер, Т. Лукман, А. Шюц и др.)³¹, он предложил радикальное решение: противопоставить понятию «социализация» нередко рассматривавшееся как его синоним понятие «социальная адаптация», связав с первым традицию нормативного подхода, а со вторым — традицию интерпретативного подхода: «Социальная адаптация служит логическим итогом глобального процесса социализации, в то время как социализация представляет собой этап становления индивида и приобщения его к основ-

²⁴ См.: Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. / Науч. ред. издания на рус. яз. В. А. Ядов. М.: Феникс, 1994.

²⁵ См.: Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. /Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Издат. группа «Прогресс», 1996.

²⁶ См.: Фромм Э. Бегство от свободы: Пер. с англ. / Общ. ред. П. С. Гуревича. Издат. группа «Прогресс», 1995; Его же. Душа человека: Пер. с нем. и англ. / Общ. ред., сост. П. С. Гуревича. М.: Республика, 1992.

²⁷ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

²⁸ См.: Habermas J. Stichworte zur Theorie der Sozialisation // Ders. Kultur und Kritik. Frankfurt/M., 1973; Idem. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt/M., 1981.

²⁹ Ковалева А. И. Социализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 140.

³⁰ Ромм М. В. Социальная адаптация личности как объект философского анализа: Дис... доктора филос. наук. Томск, 2003.

³¹ Ромм М. В. Социальная адаптация личности как объект философского анализа: Автореф. дис... доктора филос. наук. Томск, 2003. С. 16.

ным нормам, ценностям и социокультурным институтам для выполнения в последующем той или иной социальной роли. Социальная адаптация, в самом общем виде, раскрывает и уточняет идентичность личности, гармонизируя тем самым смыслы и стратегии ее жизнедеятельности в динамичной, непрерывно изменяющейся социокультурной среде»³².

Собственно, сходное по результатам решение было предложено много раньше Т. Парсонсом и Р. Бейлом, которые противопоставили «социализацию» и «интеракцию»³³. Еще раньше «социализация» заменялась термином «инкультурация» (М. Херсковиц)³⁴.

Однако в таком решении проблемы, вероятно, вполне приемлемом для ее разработки в рамках социальной философии, для социологии таится опасность значительного обеднения концепции социализации: пожалуй, большая часть идей, связанных с ее развитием после Э. Дюркгейма, связана с интерпретационным подходом, и эти идеи придется отнести к области «социальной адаптации».

Огромный практический опыт, осмысленный в трудах А. С. Макаренко, показывает, что в реальном процессе социализации (хотя он и не употреблял этого термина) связь общества и личности настолько более тесная и диалектичная, что противопоставление «социализации» и «адаптации» (в понимании М. В. Ромма) оказывается недостаточной. А. С. Макаренко в процесс, который ныне определяется социологическим понятием «социализация», включил, помимо двух элементов системы, общества и личности, третий элемент — коллектив (в социологической терминологии — социальную общность), увязав все три элемента в теории параллельного педагогического действия. Он писал: «Что такое параллельное педагогическое действие?»

Мы имеем дело только с отрядом. Мы с личностью не имеем дела. Такова официальная формулировка. В сущности, это есть форма воздействия именно на личность, но формулировка идет параллельно сущности. На самом деле мы имеем дело с личностью, но утверждаем, что до личности нам нет никакого дела.

Каким образом это получается? Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания. Я исходил из тех соображений, что человек 12–15 лет живет, он живет, наслаждается

³² Там же. С. 23.

³³ Parsons T., Bale R. Family: Sozialization and Interaction Process. L., 1956.

³⁴ Herskovitz M. J. Man and His Works: The Science of Cultural Antropology. N. Y., 1948.

жизнью, получает какую-то радость жизни, у него есть какие-то жизненные впечатления.

Для нас он объект воспитания, а для себя он живой человек, и убеждать его в том, что ты не человек, а только будущий человек, что ты явление педагогическое, а не жизненное, было бы мне невыгодно. [...] Меньше всего я старался убедить его, что он только воспитанник, т. е. явление только педагогическое, а не общественное и не личное. На самом деле для меня он явление педагогическое»³⁵.

Идея промежуточного звена — социальной общности — представляется необычайно перспективной. И она во многом уже разработана в целом направлении современной социологии — в социологии молодежи (И. М. Ильинский, А. И. Ковалева, Вал. А. Луков, Д. Л. Агранат и другие представители научной школы социологии молодежи МосГУ). Молодежные организации, другие формы объединения молодежи могут быть представлены как социальные общности. Но и в целом молодежь может быть представлена как некая открытая социальная общность, объединенная не только возрастными параметрами, но и функцией носителя процесса смены поколений, и особенностями социализации. Притом что социализация, как она характеризуется в трудах социологов, — процесс, продолжающийся всю жизнь, в период молодости он протекает по специфическим путям и приобретает особые формы. Это позволяет выделить социализацию молодежи в самостоятельный предмет исследования.

В рамках проблематики социологии культуры, духовной жизни выделена тема «Культурная социализация и самоидентификация личности». Понятие «культурная социализация» зародилось в западной культурантропологии, прежде всего в ее этнопсихологическом направлении («культура и личность»). Одной из отправных точек здесь можно считать работу Рут Фултон Бенедикт «Модели культуры» (1935)³⁶, в которой исследовательница отошла от фрейдистской концепции анализа культуры, представляемой через индивидуальную психологию и психопатологию, и применила социологические методы исследования взаимосвязи личности и культуры.

Ральф Линтон внес вклад в развитие представления о культурной социализации в работе «Изучение человека» (1936), где культура (как «внешняя», доступная наблюдению, так и «внутренняя», включающая

³⁵ Макаренко А. С. Педагогика индивидуального действия // Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 4. С. 165. См.: Луков Вал. А., Луков Вал. А., Ковалева А. И. Уроки Макаренко. М.: Издат. дом «Ключ С», 2006.

³⁶ См.: Benedict R. F. Patterns of culture. Boston, 1959. В рус. пер.: Бенедикт Р. Модели культуры // Антология культурной антропологии. М., 1998.

культурные установки, эмоции, ценности) поняты как совокупность форм поведения, общих для большинства членов общества и усваиваемых в процессе социализации. Особенно значимой оказалась разработка Линтоном теории статусов (предписанных от рождения или достигнутых личностью) как места в социальной структуре и ролей — «динамического аспекта статусов» («актуальных», т. е. фактически исполняемых в соответствии со статусом, и «идеальных», т. е. культурных образцов для статусов)³⁷. Концепция «базисных типов личности», разработанная Р. Линтоном вместе с Абрамом Кардинером³⁸ и затем расширенная через введение более частного понятия «статусная личность»³⁹, также стала основанием для выработки представления о культурной социализации.

Клайд Клакхон подробно изучил на этническом материале культурную социализацию, понимаемую им как стандартизацию поведения и жизненных установок («Дети Людей: навахский индивид и его развитие», соавт. с Д. Лейтон, 1943⁴⁰).

Ученица Р. Бенедикт Маргарет Мид развила концепцию культурной социализации, сформулировав положение о том, что проблемы наших детей есть порождение нашей цивилизации и особенно двух ее последних столетий, когда, помимо характерного для архаических обществ постфигуративного типа (когда дети учатся у старшего поколения) возникли два новых типа культурной социализации — конфигуративный (где и дети и взрослые учатся у сверстников) и префигуративный (где взрослые учатся также у своих детей). Культура примитивных народов выработала такие механизмы социализации, которые позволяют совершить переход из мира детства в мир взрослых безболезненно в рамках постфигуративной культуры⁴¹.

«Психологическая антропология как междисциплинарное направление исследований отражала желание культурных антропологов про-

³⁷ См.: Linton R. *The Study of Man*. N. Y.; L., 1936.

³⁸ См.: Kardiner A., Linton R. *The Individual and His Society*. N. Y., 1939.

³⁹ См.: Linton R. *The Cultural Background of Personality*. N. Y.; L., 1945.

⁴⁰ Kluckhohn C., Leighton D. *Children of the People: The Navaho Individual and His Development*. Cambridge (Mass.), 1947.

⁴¹ См.: Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. С. 322–323. О культурной социализации в понимании М. Мид упоминается, напр., в работе: Сафонов И. П. Семейная социализация: теории, проблемы, результаты // http://www.bank.orenipk.ru/Text/t13_375.htm.

никнуть во внутреннюю психологическую жизнь индивидов, обусловленную их культурной социализацией»⁴².

Однако в отечественной науке понятие «культурная социализация» еще не вполне установилось. Его нет в 2-хтомной «Социологической энциклопедии», в то время как там помещена статья о политической социологизации (под которой понимается «процесс усвоения личностью определенных политических знаний, ценностей и норм, позволяющих ей ориентироваться в политической жизни общества»⁴³), оно лишь однажды упоминается без разъяснения в фундаментальном научном и одновременно учебном труде Л. Г. Ионина «Социология культуры» в его новейшей версии⁴⁴. В работах, где идет речь о культурной социализации, она преимущественно связывается с народной и другими традиционными формами культуры⁴⁵. Своего рода исключением являет-

⁴² Саяпина И. А. Информация, коммуникация, трансляция в социокультурных процессах современного общества: Автореф. дис... доктора культурологии. Краснодар, 2001. С. 5.

⁴³ Ирхин Ю. В. Социализация политическая // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. С. 448. Это достаточно разработанное в отечественной и зарубежной науке, прежде всего в политологии, понятие. См.: Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998; Политическая социология / Отв. ред. В. Н. Иванов, Г. Ю. Семигин. М., 2000; Шестопап Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2000; Артемов Г. П. Политическая социология. М., 2001; Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. М., 2001; Россия федеративная: проблемы и перспективы / Под общ. ред. В. Н. Иванова. М., 2002; Inghart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990; Nash K. Contemporary Political Sociology. Oxf. (UK); Maiden (USA): Blackwell Publishing, 1999; Giddens A. Sociology / 4 ed. Oxf. (UK); Maiden (USA): Blackwell Publishing, Polity Press, 2001. См. также диссертации по политологии: Сабирзянова Ф. Р. Политическая социализация студенческой молодежи Республики Башкортостан на современном этапе: Дис... канд. полит. наук. Уфа, 2003; Степанова Е. Н. Политическая социализация молодежи как объект государственной информационной политики: Дис... канд. полит. наук. М., 2004; Газизова Л. И. Особенности процесса политической социализации личности в условиях модернизации российского общества: Дис... канд. полит. наук. Уфа, 2004; Мельников А. В. Политическая социализация молодежи в современной России: состояние и перспективы: Дис... канд. полит. наук. Орел, 2004; Темерьян А. А. Политическая социализация в трансформирующемся российском обществе: Дис... канд. полит. наук. Ставрополь, 2005.

⁴⁴ Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учеб. пособие для студентов вузов / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2000. (раздел 7.9. Повседневное теоретизирование).

⁴⁵ См., напр.: Швецова И. Г. Социализация сельского школьника-подростка средствами народной культуры: Дис... канд. пед. наук. Красноярск, 1997; Билалов М. Ю. Социализация личности средствами музейной педагогики : Дис... канд. пед. наук. Казань, 2003.

ся диссертация Обуховой, посвященная культурной социализации хакеров⁴⁶.

Мы решили провести контент-анализ текстов, в которых встречается термин «культурная социализация». Поиски, помимо уже приводившихся источников, дали 14 текстов различного характера.

Контент-анализ показал, что термин «культурная социализация» встречается в разных стилях речи: научном, газетно-публицистическом, деловом, но нигде не определяется, очевидно, выступая как общепонятный.

Он встречается в перечислительном плане вместе с такими терминами, как «политическая социализация», «национальная (этническая, региональная) социализация»⁴⁷, «семейная социализация»⁴⁸, «экономическая социализация»⁴⁹, «правовая социализация»⁵⁰, «профессиональная социализация»⁵¹, «психологическая социализация»⁵², «образовательная

⁴⁶ См.: Обухова Е. В. Культурная социализация и самоидентификация хакеров: Дис... канд. социол. наук. М., 2004.

⁴⁷ Об этом типе социализации см.: Мухтаров Т. Г. Этническая социализация башкирской молодежи в городах современного Башкортостана: Дис... канд. социол. наук. Уфа, 2004. 159 с.; Зинурова Р. И. Этническая социализация молодежи в условиях современного российского общества: Дис... д-ра социол. наук. М., 2005.

⁴⁸ О семейной социализации см.: Кузнецова Е. В. Социализация детей в семьях разведенных родителей: Дис... канд. социол. наук. Саранск, 2003.

⁴⁹ Об экономической социализации см.: Жилина Ж. А. Психическая регуляция экономической социализации детей старшего дошкольного возраста: Дис... канд. психол. наук. Владимир, 2005.

⁵⁰ О правовой социализации см.: Томазова О. Е. Правовая социализация молодежи в современном российском обществе: Дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.

⁵¹ О профессиональной социализации см.: Пробст Л. Э. Профессиональная социализация школьной молодежи в современной России: Дис... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2004.

⁵² О психологической социализации см.: Стрельцова И. П. Представления подростков и юношей о трудных ситуациях и стратегиях совладающего поведения в них: Дис... канд. психол. наук. М., 2003.; Богомолов А. М. Структурно-динамические свойства системы психологической защиты у детей подросткового возраста: Дис... канд. психол. наук. Кемерово, 2005.

социализация»⁵³, «педагогическая социализация»⁵⁴, «гендерная социализация»⁵⁵, следовательно, от них отличается.

Совокупный результат контент-анализа позволяет отметить, что в отечественной традиции употребления термина есть несколько уровней его понимания. Взяв за основу определение социализации, данное А. И. Ковалевой, с учетом проведенного контент-анализа употребления термина «культурная социализация» в рассмотренных источниках можно дать следующее определение:

Культурная социализация — двусторонний процесс (1) постоянной передачи обществом и (2) освоения индивидом в течение всей его жизни и особенно в молодом возрасте через посредство социализационных институтов (языка как средства коммуникации, игровой деятельности, образования, СМИ) культурных ценностей, реалий и идеалов культуры, выработки культурных потребностей и интересов, установок, жизненных ориентаций, этнокультурной самоидентификации, организации досуга, художественных предпочтений — в итоге: формирования культурных картин мира, — позволяющий индивиду функционировать в пространстве культуры данного общества. Из различных типов социализации культурная социализация может быть выделена как интегрирующая и дающая основное направление общему процессу социализации.

⁵³ Об образовательной социализации см.: Василенко О. В. Социализация студенческой молодежи в образовательном процессе (Социально-философский аспект исследования): Дис... канд. филос. наук. Чебоксары, 2003; Шумакова Н. А. Социализация подростка в системе общего школьного образования и социального воспитания Приенисейской Сибири в 20-е годы XX века (1918-1931 гг.): Дис... канд. пед. наук. Красноярск, 2004.

⁵⁴ О педагогической социализации см.: Рамодина Я. В. Педагогическая социализация младшего школьника с задержкой психического развития в условиях общеобразовательной школы: Дис... канд. пед. наук. Краснодар, 2004.

⁵⁵ О гендерной социализации см.: Жигинас Н. В. Гендерные особенности социализации (На примере агрессивных девиантных подростков): Дис... канд. психол. наук. Томск, 2002; Смирнова А. В. Гендерная социализация в общеобразовательной школе: Дис... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2005.

АНТИЧНАЯ ПРОТОЖУРНАЛИСТИКА

В монографии Вл. А. Лукова «Предромантизм»¹ изложена вытекающая из тезаурусного подхода концепция ретроспективных и встроенных терминов, которая обосновывает введение в науку терминов с приставками «пред-» и «прото-». Разделяя эту точку зрения, мы предлагаем обозначить явления мировой культуры, предваряющие собственно журналистику, термином «протожурналистика». Объектом рассмотрения в данной статье избрана античная протожурналистика².

Журналистики в современном понимании слова как особого социального института, выполнявшего функцию сбора, обработки и периодического распространения актуальной общественной информации в античности еще не существовало, как не было и системы периодических изданий, средств массовой информации. Между тем древнегреческий полис выработал некоторые способы передачи социально значимой информации.

Важнейшим каналом общественной коммуникации была агора, городская площадь, служившая центром политической и религиозной жизни полиса, местом собраний. Прогуливаясь на агоре, греки обменивались новостями и мнениями, вели политические споры, узнавали слухи. Глашатаи оповещали граждан полиса о важных событиях.

Другим местом общения греков были гимнасии, помещения для спортивных занятий, которые постепенно превратились в центры обмена информацией и идеями, своеобразные высшие учебные заведения, где с докладами выступали философы.

Демократическое государственное устройство полисов, в которых высшая законодательная власть принадлежала народному собранию, решавшему большинством голосов важнейшие вопросы общественной жизни, превратило полис в «цивилизацию болтовни» (К. Куле). Устное слово было не только основным носителем информации, но и инструментом политического влияния. Успех в политике напрямую зависел от умения красиво и убедительно говорить. Протагор утверждал, что красноречие — «политическая добродетель». В народном собрании Древней Греции, как правило, голосовали за предложение лучшего оратора. Кроме того, в Древней Греции не было адвокатов, которые брали бы на

¹ Луков Вл. А. Предромантизм. М.: Наука, 2006.

² Мы ориентируемся на материалы, представленные в работах: Куле К. СМИ в Древней Греции. М.: Новое литературное обозрение, 2004; История мировой журналистики / Авт.: А. Г. Беспалова, Е. А. Корнилов, А. П. Короченский и др.; изд. 3-е, доп. и испр. М.; Ростов-н/Д., 2004; и др.

себя защиту интересов граждан полиса в суде. Грекам приходилось самостоятельно излагать перед судом суть своих претензий, доказывать их обоснованность. Выигрывал дело тот, кто убедительнее говорил.

Все это привело к расцвету в Древней Греции в V в. до н. э. ораторского искусства. Учителями красноречия стали софисты (мудрецы), выступавшие с публичными лекциями в разных полисах. Софисты поражали слушателей изощренностью своих аргументов, умением доказать любой тезис, мастерством импровизированных ответов на вопросы публики. Завоевав репутацию непревзойденных ораторов, они стали давать дорогостоящие уроки красноречия. Протагор, Горгий, Гипий — крупнейшие представители софистики.

Протагору (ок. 480 — ок. 410 до н. э.) принадлежит знаменитое утверждение «Человек — мера всех вещей». В преподавании он особое внимание уделял правильности употребления слов.

Горгий (ок. 480 — ок. 380 до н. э.) добивался формальной выразительности речи. Заботясь о ее благозвучии, он использовал ритм, ассонансы и аллитерации, внутренние рифмы. В речи «Похвала Елене» Горгий утверждал: «Слово — властитель великий, а телом малый и незаметный; творит оно божественные деяния, ибо способно бывает и страх пресечь, и горе унять, и радость вселить, и жалость умножить». Софисты видели свою задачу в том, чтобы подготовить человека к участию в политической жизни полиса.

Более скромные задачи ставили перед собой логографы — так в Древней Греции называли составителей судебных речей. За солидное вознаграждение они писали речь для своего клиента, а иногда и выступали вместо него в суде. Мастером судебного красноречия был Лисий (ок. 435 — 380 до н. э.). Его речи отличались простотой, краткостью, меткостью характеристик, отсутствием стилистических украшений. Лисий стилизовал речь в соответствии с характером своего клиента. Античное предание включает Лисия в число десяти лучших ораторов древности.

Однако первое место в этом списке по праву принадлежало Демосфену (ок. 384—322 до н. э.). Демосфен начинал как логограф. Добившись значительных успехов на поприще судебного красноречия, он решил попробовать свои силы в качестве политического оратора. Однако его первое выступление в народном собрании провалилось. Речь, произнесенная тихим голосом, плохая дикция Демосфена вызвали насмешки слушателей. Но Демосфен не оставил надежды добиться успеха. Он много работал над совершенствованием своих речей, постоянными упражнениями вырабатывал ораторские навыки. Легенда гласит, что

Демосфен произносил речи под шум морских волн, чтобы добиться необходимой силы голоса. Он клал в рот маленькие камешки и произносил тирады, добиваясь отчетливой артикуляции. Усилия Демосфена были вознаграждены: он стал образцом оратора для греков.

В своих страстных речах Демосфен часто откликался на самые актуальные события, волновавшие соотечественников. Так, например, в речах против македонского царя Филиппа, предпринявшего экспансию в Элладу, Демосфен обрушился с острой критикой на агрессора. Слово «филиппика» стала названием гневного, обличительного выступления, а ораторская проза — одним из источников публицистики.

Другим ее прообразом была историческая проза. Родоначальником древнегреческой историографии, «отцом истории» (Цицерон) принято считать Геродота (между 490 и 480 — ок. 425 до н. э.), написавшего историю греко-персидских войн. Геродот обратился к важнейшим политическим событиям, свидетелем которых он был. Он не ограничился описанием фактов, но дал свой ответ на вопрос о причинах войны, свое объяснение победы греков. Греко-персидские войны, с точки зрения греческого историка, проявление давней, начавшейся в незапамятные мифологические времена вражды между Европой и Азией. Персия потерпела поражение, потому что, осуществив экспансию в Европу, она нарушила естественные, богами очерченные границы своего господства. Наказанием стало ее низвержение с достигнутых высот. Победа греков над персами закономерна: в ней проявились преимущества рабовладельческой демократии над восточной деспотией. Геродот стремился к достоверному и связному изложению исторических событий, но он верил в то, что история определяется не только человеческими устремлениями, но и божественной волей, поэтому значительное место в его повествовании занимает мифологический элемент. Афиняне восприняли «Историю» Геродота с восторгом и наградили автора огромной суммой в десять талантов.

Для последователя Геродота, древнегреческого историка Фукидида (ок. 460–400 до н. э.), автора «Истории Пелопонесской войны», историю двигают человеческие страсти, интриги, частные интересы и потребности. В структуре фукидидовской «Истории» значительное место занимают ораторские речи и словесные споры между персонажами, что свидетельствует о влиянии софистики на писательскую манеру Фукидида.

Хотя, как уже отмечалось, устное слово приобрело доминирующее положение в культуре Древней Греции, полис пользовался и письменными каналами оперативной передачи социально значимой инфор-

мации. Нерегулярные, непериодические письменные источники информации книги повсеместно предшествовали регулярным и периодическим — газетам и журналам. Алфавит был позаимствован греками у финикийцев в VIII в. до н. э. Античные книги представляли собой рукописные папирусные свитки, на которых текст располагался столбцами. Читались столбцы справа налево. Переписчиками книг были рабы. Книги были редкостью и сначала распространялись в ограниченном количестве экземпляров среди друзей и единомышленников автора. Книжная торговля в Древней Греции развивается лишь с V в. до н. э. Но и тогда книги были доступны немногим из-за их дороговизны.

Основным письменным источником информации были ежедневные публичные надписи (к V в. до н. э. в большинстве своем греки были грамотны), содержавшие сведения о значимых событиях полисной жизни. Левкомата — так назывались беленые деревянные таблички, на которые записывалась эта информация. Левкомата выставлялись в публичных местах. Записи на них периодически обновлялись. Сообщаемые факты никак не комментировались. Левкомата выполняли роль местных «газет». Надписи делались и на стенах храмов или больших каменных стеллах, которые затем выставляли на всеобщее обозрение в святилищах. Они содержали важные официальные документы — законы, указы, договоры.

Публичные надписи не были инструментом власти, контроля за гражданами полиса. Их цель состояла в том, чтобы информировать население и провозглашать полисные ценности.

Рим — наследник великой культуры Древней Греции, ее демократических традиций. Рим, как и Эллада, не знал института цензуры, хотя слово цензор восходит к латинскому «*sensor*» — оценщик. Цензором в Древнем Риме называли выборного чиновника, который каждые пять лет проводил перепись граждан и имел право, оценив их деловые и моральные качества, корректировать списки всадников и сенаторов, вычеркивать из списков недостойных и включать туда новые имена.

Демократическое устройство античного общества породило свободу слова и право на свободомыслие. В народном собрании, в сенате ораторы свободно выражали свои мнения по важнейшим вопросам общественно-политической жизни, литературные произведения не подвергались предварительной цензуре. Однако терпимость к чужому мнению и плюрализм не исключали сурового наказания для тех, кто нарушал нормы полисной этики. Так, Протагор за свою книгу «О богах», в которой он выразил сомнение в существовании богов, был изгнан из Афин. Как утверждал впоследствии Дж. Мильтон, в античности только

два рода сочинений находились под контролем власти: клеветнические и те, в которых ставились под сомнения религиозные представления древних греков и римлян. Однако судьба Овидия, сосланного по приказу императора Августа на берег Черного моря за свои эротические любовные стихотворения и поэмы, свидетельствует о том, что табу налагалось, видимо, на более широкий круг произведений. Но что бесспорно, так это то, что в античности не существовало предварительной цензуры. Трактат Протагога был сожжен по решению ареопага, а книги Овидия изъяты из публичных библиотек уже после того, как они были опубликованы.

В Древнем Риме до середины IV в. до н. э. составлялись «анналы» (от лат. «anno» — год), рукописные перечни-хроники важнейших событий официальной жизни, происшедших за год. Изложение событий велось в строго хронологическом порядке и отличалось деловитостью, лаконичностью и сухостью стиля. В отличие от греческих историков, стремившихся дать объяснение событиям, римские хронисты ограничивались констатацией фактов. В анналах сохранились имена высших римских чиновников, сообщения о солнечных и лунных затмениях, о войнах, знамениях, повышении цен и т. д. Анналы записывали на беленых табличках, которые ежегодно выставлялись в доме верховного жреца, великого Понтифика, куда могли приходить граждане, чтобы ознакомиться с записями.

Когда Рим захватил новые территории, возникла необходимость распространять информацию в провинции. Канадский исследователь Гарольд Иннис в книге «Империя и средства коммуникации» (1950) утверждал, что социальные и властные структуры Римской империи формировались под влиянием письменности. Рим смог стать империей, когда письменное слово, контролируемое элитой, стало основным способом общения власти с народом. Благодаря письменности располагавшиеся в центре элиты смогли управлять огромными территориями, что было необходимой предпосылкой расцвета императорской власти.

Еще при Юлии Цезаре (100–44 до н. э.) по его приказу ежедневно стали выходить рукописные бюллетени «Acta senatus» и «Acta diurna». «Acta senatus» («Сенатские ведомости») были своего рода официальным периодическим изданием, содержащим протоколы заседаний Сената. Они просуществовали до I в. н. э., пока раздраженный нападками сенаторов на него и его семью император Тиберий не запретил их публикацию. Это был первый в истории репрессивный акт в отношении периодических изданий.

В «Acta diurna» («Ежедневные ведомости») записывалась уже не только официальная информация, но и весьма разнообразные сведения, которые отражали повседневную жизнь римлян и могли вызвать интерес у читателей (казни, несчастные случаи, военные события, похороны, чудеса, городские объявления и т. д.). «Acta diurna» не только вывешивались, но и продавались. В период Империи их содержание стало беднее и однообразнее: они превратились в придворную хронику. Иногда императоры использовали «Acta diurna» в пропагандистских целях.

«Диурнарии» — так называли в Риме тех, кто собирал и записывал информацию для «Acta diurna», далеких предшественников нынешних журналистов. Падение Рима в V в. н. э. привело к исчезновению этих рукописных прообразов газет. Но память о них сохранилась в языке.

Слово «журналистика» этимологически восходит к латинскому «diurnal» — «дневной»; того же корня французские слова «jour» — «день», «journal» — первоначально «дневник», а затем «газета».

Рим унаследовал от Древней Греции традицию ораторского красноречия. Некоторые произведения ораторской прозы содержали отклик на актуальные события общественной жизни и являлись образцами ранней публицистики. Так в своих «Речах против Катилины» римский писатель, общественный деятель и блестящий оратор Цицерон (106—43 до н. э.) выступил с разоблачением заговора, организованного его политическим противником, римским патрицием Катилиной. Цицерон воздействовал на слушателей, используя разные приемы: афоризмы, остроумные сентенции, броские концовки фраз, нагнетание вопросительных и восклицательных конструкций. Некоторые фразы становились крылатыми выражениями, как, например, знаменитое «O tempora! o mores!» («О времена! О нравы!») из «Первой речи против Катилины».

Античность создала средства коммуникации, которые в измененном и усовершенствованном виде существуют и в современном медийном пространстве — алфавит, книгу, собрания, на которых произносились речи и принимались важные решения, регулярно публиковавшиеся записи важнейших событий общественно-политической и повседневной жизни древних. В античной культуре, в ее протожурналистике — истоки современной публицистики. Красноречие древних, их историография, летописи, хроники, в которых запечатлелись наиболее значимые общественно-политические события той эпохи, а подчас содержался и живой, страстный отклик на них, готовят появление европейской публицистики, само название которой восходит к латинскому «publicus» — «общественный».

ШАРЛЬ ПЕГИ — ПЕВЕЦ И ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА

Французский поэт и эссеист Шарль Пегги (1873–1914) стал особенно дорог и близок своим соотечественникам в годы Второй мировой войны. Соппротивление Германии фашистской всколыхнуло патриотические чувства французов, напомнило им славные имена защитников родины прошлых лет. Пегги, между тем, не был фигурой классически прошлой. Четверть века отделяла его героическую кончину в битве на Марне 1 августа 14-го от начальных шагов Движения Соппротивления в 1940-м. Но в первый раз, в десятые годы XX века, французская общественность не придавала большого значения «пророчествам» обыкновенного и несколько экзальтированного, на иной вкус, столичного публициста, его призывам — стихами и очерками — к мобилизации духа, памяти, армии в виду предчувствуемой конфронтации с вооружавшейся Германией. Между двумя войнами его успели забыть; при повторившейся грозе он заставил вспомнить о себе: заново прочитать и оценить поэмы о Жанне д'Арк, эссе о Франции благочестивых и прочных традиций, победоносных королей и преданных крестьян, верой и мужеством укреплявших родные пределы.

Подобное обретение памяти и возвращение опыта, накопленного отцами, совершалось и в Советской России. Здесь вместе с возвращением из временного небытия русской национальной темы в лице Благоверных князей Александра Невского и Димитрия Донского, благочестивых полководцев Александра Суворова и Михаила Кутузова, второе рождение получали и прежде отвергнутые формы — погоны, ордена, формулы речи, лозунги и даже манеры, а в формах, не успевших остыть от того духа, что вынес их на поверхность жизни, возрождался хотя бы отдаленно и сам «прежний» дух, вдохновлявший героев истории. В исторических романах и кинофильмах пробуждались идеалы и ценности минувшего; впрочем, метафизически несколько усеченные по причине цензурных запретов.

Происходило нечто закономерное: в узких стесненных обстоятельствах текущих дней расширялось историческое сознание. Так было в России в Великую Отечественную войну, так было во Франции в те же военные годы, так и должно быть в историческом процессе, если самосознание и самоидентификация народа, проходящего через трудности, не угасают, а сохраняются для возможного обновления. Расширение исторического сознания, таинственное привлечение в ряды борцов за национальную независимость тех, кто почитается отцами отечества — го-

сударей, полководцев, церковных иерархов и великих простолюдинов — есть акт религиозный, то есть связывающий планы бытия, видимое с невидимым, ставящий в один ряд сопротивления наступающему злу времени, людей, нерастраченные резервы духа.

Следует оговориться: речь идет не о религиозности в общеупотребительном смысле слова. Трудности, теснота поневоле уплотняют мир, сближают его составные моменты, и это сближение накладывает отпечаток и на попытки духовного осмысления событий, и тогда мистическая сторона такого осмысления не догматизирована, а имеет предварительный, вводный характер. В понятия введения, преддверия Пеги, оставшийся в церковном преддверии — католиком невоцерковленным — до конца своих дней, вкладывает личный опыт. В пространной поэме «Введение в таинство второй добродетели» мысль поэта постоянно возвращается к образу приближения, подступа, порога. Его эссе часто завершаются сообщением, что мы подошли к порогу, что настоящий разговор впереди.

Религиозный и интеллектуальный путь Пеги представляется постепенным возрастанием, вырастанием из прежнего в новое, недавно еще, по ходу рассмотрения, считавшееся как будто завершенным. Прежнее не отвергается, не предается, а занимает свое органичное, может быть подчиненное место в мирозерцании большего обзора. Так стремление к социальной справедливости у молодого Пеги-социалиста в 90-ые годы XIX века перерастает в борьбу за оправдание гонимых, против партийного (даже если это недавние товарищи по партии) и чиновного лицемерия и корыстолюбия, и последнее органически перетекает в отстаивание добрых и прочных традиций праведности и милосердия, а уже область историческая, через потребность понять мотивы прошлых деяний, совпадает со сферой духовной и предстает в свете последней. В 1908 г. Пеги обмолвился, что наше л, наконец, веру, что он католик.

Но не только и даже не столько внешние события биографии Ш. Пеги свидетельствуют о его постепенном приходе, о его вступлении в плеяду тех богословов, философов, прозаиков и поэтов, которым впоследствии история присвоила имя деятелей так называемого «Католического возрождения» в Западной Европе в XIX–XX веках. Эссеистика Пеги, свободная по форме и ассоциирующаяся с морским простором, где не видно ни конца, ни края начатому разговору, где вновь набегаящие волны раздумий и вскипающие пены эмоций чуть заметно отличаются от предыдущих и где, внезапно, открывается твердый и радостный берег заключительных четких выводов — его эссеистика говорит ясно для терпеливых читателей, сколь органичным был духовный генезис

писателя от корней (он родился в семье ремесленников в провинциальном Орлеане), от народных свободолюбивых волнений, приведших студента Пеги в социализм, до иной свободы, обретаемой с познанием Истины. Для верующего Пеги идентификация Евангельской Истины не составляла предмета долгих обсуждений.

В связи с генезисом Пеги его высказывания о литературе (а также шире о науке, философии и о том, что он называет метафизикой, относя к ней всю совокупность мировоззренческих вопросов) переходного периода от социализма к христианству (1902–1908 гг.) представляют специальный интерес: переходный период отчетливо обнаруживает будущие зрелые убеждения в их первоначальной простоте и неразмытости: Пеги отмежевывается от чуждого ему, подвергает критике интеллектуальные стереотипы и методы, господствовавшие в среде современных Пеги идеологов.

У Пеги есть общие обозначения для лагеря идейных противников; в этом лагере мыслителем собрана неоднородная публика; в среде оппонентов возможны расхождения по второстепенным признакам, в целом же всех их объединяет некая посюсторонняя самодостаточность, и названы они в очерках разных лет членами «современной интеллектуальной партии», представителями «современного метода», в общем, «современными людьми».

У «современного», в терминологии Пеги, человека — редуцированное мировосприятие; для него, среди прочего, характерен некий «хронологический провинциализм» (выражение Аверинцева), и не только хронологический. От школьных лет «мы все, — сознается Пеги, — более или менее уверены, хотя бы туманно, в том, что человечество берет свое начало в мире современном, что умственная жизнь человечества начинается с появлением современных научных методов; да хорошо еще, если мы не верим, как верят ученики начальной и средней школы, что начало Франции приходится ровно на первое января 1789 года, на шесть утра»¹.

Согласно Пеги, современный метод научного литературно-критического исследования заключается в следующем: при изучении текста возбраняется обращаться к нему непосредственно, в противном случае применение «современного» метода не состоится. Прежде всего исследователю полагается наметить самую отдаленную точку, мельчайший из научно фиксируемых фактов «в безбрежной, неустойчивой, необозримой, полной реальности», факт, имеющий какое-либо, пред-

¹ Réguy Ch. Oeuvres. T. I. P., 1987. P. 1397. В случае отсутствия дополнительных указаний далее цитируется эссе «Зангвиль», р. 1396–1451.

почтительно самое приблизительное отношение к тексту, или вовсе никакого отношения не имеющий, чтобы, окружным путем тотального рассмотрения самых разных феноменов, предметов и мыслей не приблизиться, в итоге, к самому объекту исследования, зато достигнуть «апогея современного научного метода», «создать шедевр духа современности»².

Если верно древнее изречение, гласящее, что дух творит свои формы — эта мысль по-своему высказывалась и в классическом эллинизме, и в ветхозаветном Израиле, и в святоотеческой Византии — то Пеги в данном описании «современного научного метода», с нескрываемой иронией, переходящей у него, как правило, в негодование, показывает, что «дух современности», дух философии позитивизма (изложенной в трудах О. Конта), дарвинизма, политэкономического материализма (разработанного Дж. С. Миллем, К. Марксом), непосредственно порождающий в искусстве и литературе натурализм, вульгарный социологизм, в литературоведении и литературной критике — течение, названное спустя время культурно-исторической школой, претендующий на предельно реалистический, трезво-объективный подход к изучаемой действительности, этот дух парадоксально уходит от действительности, от прямого и честного восприятия ее, от того, чтобы «схватить текст», проникнуть в суть и смысл произведения. «Дух современности», таким образом, преследует свои цели, имеет свою метафизику. Пеги постепенно, от работы к работе, подходит к пониманию скрытого в навязчивом изобилии фактов умысла «современных» властителей дум.

Будучи издателем и одним из главных авторов журнала «Двухнедельные тетради», выходившего с 5 января 1900 по 1 августа 1914 г. в Париже, Ш. Пеги почти не публиковался в иных органах печати. Все его тексты можно поделить на увидевшие свет при жизни автора, и посмертные. По этой же причине авторедактор Пеги широко, не экономя печатной площади, страшась быть обвиненным в предвзятости, и сам предпочитая в публицистике обстоятельность и достоверность, но всего более естественно охраняя тайну целостного (как можно менее расчлененного) искусства, до тех пор не убитого, доколе не препарировал его неумолимый «метод», цитирует критикуемых им авторов.

Таковыми в эссе «Зангвиль» стали Ипполит Тэн, основоположник культурно-исторической школы, и Эрнест Ренан, крупнейший позитивист в историографии и филологии. Что представляет собой «современный метод», наглядно демонстрируется Пеги на примере книги Тэна о Жане де Лафонтене, знаменитом баснописце, поэте и драматурге XVII

² Réguy Ch. Oeuvres. T. I. P. 1397.

века. В эссе без купюр напечатано сначала вступление, а позже все начало книги «Лафонтен и его басни», подряд десять страниц: Пеги обсуждает и комментирует не за глаза. Метод приступает к Лафонтену изда- лека и компаративно-типологически: во вступлении к книге ни слова о баснописце, оно все состоит из детального уподобления человека жи- вотному высшего класса, «производящему философские трактаты и по- эмы так же, как шелковичные черви прядут коконы, или пчелы выкла- дывают соты».³

Итак, метод, представленный в труде Тэна, воздвигает между чи- тателем и собственно литературой множество предварительных тем. Подробно описываются вероятные составляющие того феномена, что называется «басни Лафонтена». Перечень этот открывается анализом «гальского характера», затем рассматриваются атмосфера, почва, кли- мат, национальные продукты питания, древние предания и сказания, че- ловек вообще, его нрав, вкусы, свобода и зависимость... Метод требует исследования диалектики «культуры и природы» во Франции, он ставит вопрос о посредничестве между ними словесного, поэтического искус- ства. В параболу метода попадают все сословия французского общества XVII века, а также мир лесных животных и домашних, насекомые, пти- цы, минералы, поэтика Лафонтена, лексический анализ его поэтической речи, наконец — метр стиха: ломаный, вариативный... Смыслом басни метод не озадачивается.

Всесмешение как принцип и позиция, идейно-эстетический син- кретизм как система есть отличительное свойство «современного мето- да», всей «современной» культуры. Пеги же, напротив, через все свое творчество проводит мысль о том, что признаком подлинной культуры является решимость отказа, мужество отбора, понимание необходимо- сти самоограничения: физического, интеллектуального, социального. Бесчисленные аспекты проблемы, уверяет Пеги, никогда не соединятся в целое, между ними возникает и умножается в геометрической про- грессии новая проблематика: взаимных отношений — человека, писате- ля, придворного, дамского угодника, стилиста, моралиста и т. п.⁴ Во имя какой цели необходимо распутывать, анализировать этот клубок взаи- мозависимых линий одной темы? Продолжать детализацию, или уметь останавливаться?

«Старик все это предвидел». Лафонтен предвидел Тэна, пишет Пеги: он знал, что узел есть нечто большее и иное, нежели арифметиче- ская сумма веревок; человек — большее и иное, нежели сумма частей

³ Réguy Ch. Oeuvres. T. I. P. 1405.

⁴ Réguy Ch. Oeuvres. T. I. P. 1413.

тела; книга — иное и большее, чем сумма глав. Имея целью уничтожение, начинать надо с разъединения. Но об уничтожении прошлого, культуры, красоты речь не идет; значит надо слышать, воспринимать, воспроизводить. «Разрешите процитировать из ненаучного издания», — не может удержаться Пеги.

Старик, собравшись в путь, в последний смертный час

Трем сыновьям своим дает такой наказ:

«Вот, детки, — говорит, — взгляните и смекните:

Пучок ветвей в узле. А ну-ка разорвите».

Тут старший подошел, напыжился как бык,

Тянул и колотил, однако вскоре сник.

«Попробуй ты теперь, ведь ты, сдается, крепче». —

Он среднему сказал. Но и тому не легче

Пришлось потеть с узлом. Вот младшего призвали —

Он время лишь провел. Пука не разорвали.

«О, слабенький народ, — сказал отец трем братьям, —

Подайте мне пучок, пред вами разорвать я

Попробую его». Казалось, он смеялся.

Ничуть. Он пук расплел, и тот легко порвался.⁵

«Современники» наши без труда разрывают изучаемый материал, но разве можно реальность состоявшуюся членить и расщеплять без ущерба для тех, кто пребывает в реальности становления. Задача исследователя, как думает Пеги, бережно сохранять.

Пеги напоминает, что люди политеистической античной культуры обладали чувством меры, видением оформленного, совершенного бытия. В пифагорейском списке противоположностей мера, завершенность, определенность стоят на стороне благого. В античности, подчеркивает Пеги, человек не выходил из границ человечности. Философ в Древней Греции был человеком.

Монотеисты, по мнению Пеги, обладали мистическим чувством великого, безмерного, бесконечного, их душе было ведомо абсолютное, они умосозерцали целое в его безграничности, но в этом не теряли себя, свое сознание, и поэтому в творении умели находить точное место и меру человеку. И ученые монотеисты оставались людьми.

В христианстве человек перед Богом чувствует себя и нищим, и великим, пребывает, следуя Паскалеву образу, над бездной и под бездной, между всем и ничем; в его мировидении сосуществуют неслиянно

⁵ Réguy Ch. Oeuvres. T. I. P. 1413.

ясность и определенность, и мрак и непостижимость. Христиане, согласно Пеги, тонко сознают пределы тварного бытия, и ученые христиане остаются людьми.

А в «современном» мире, позитивистском, материалистическом, меркантильном, либеральном и синкретическом, человек утрачивает чувство меры и пределов своих возможностей. «Современный мир» считает себя свободным от Бога, но на самом деле для всякого, на взгляд Пеги, смотрящего глубже наружности, никогда человек не был так несвободен в вопросах жизни и смерти, смысла бытия, в религии, в Боге, как ныне, ибо уходит в дробность, разобщенность бездуховного эмоционально-физиологического существования.

Когда Бог есть Бог, по рассуждению Пеги, тогда человек остается человеком, но когда Бог отменяется современным «богоедом» — так прозвали простые французы, свидетельствует автор, антиклерикальных демагогов эпохи отделения Церкви от государства — тогда человек, не сомневаясь, спокойно и просто становится богом. Ибо «современный метод», внедряющий позитивизм и сциентизм в гуманитарную область знания, требует от своего приверженца нечеловеческих способностей. Современный историк должен все исследовать фронтально до горизонта и он уверен, что эта масса занесенных в реестр рассыпающихся вещей, отношений, состояний и есть то, что можно знать по данной теме. Речь идет об отражении, о некритическом переносе «разом и целиком естественнонаучных методов»⁶ в изучение истории, литературы, культуры.

Амбиции «современного метода» сводятся к тому, чтобы исчерпать неопределенность и бесконечность подробностей в познании полноты реальности и в этом заключена «высочайшая, божественная, безумная претензия современности и, хотим мы этого или нет, в этом же заключена и бесконечная слабость метода, которому я, наконец, должен дать его школьное имя метода дискурсивного...»⁷

Пеги часто в течение жизни приходилось защищать и популяризировать учение философа-интуитивиста Анри Бергсона, лекции которого он конспектировал студентом. Взгляды и идеи Бергсона он усвоил глубоко и органично и на многие явления реальности — природы и культуры — не смотрел иначе, как зрением последовательного интуитивиста. Он видел, что «интуитивный метод» обычно считается сверхчеловеческим, мистическим, горделивым и даже агностическим, а дискурсивный, в среде научных обывателей, человеческим, скромным, ясным и отчетливым, в полном смысле слова научным. Пеги решительно

⁶ Réguy Ch. Oeuvres. T. I. P. 1411.

⁷ Réguy Ch. Oeuvres. T. I. P. 1414.

заявляет, что в историко-филологических и философских исследованиях дискурсивному методу следует приписать все те характеристики, что прилагаются обычно к интуитивизму, и что интуитивный метод, поверхностно понятый, намного более и человечен, и скромнее, и научен, ибо бережет свой предмет.

Изгоняя из науки непостижимое, метафизическое, историк человеческих дел, согласно невысказанной интенции «современного метода», присваивает себе свойства божии. Пеги обвиняет вдохновителей научного мировоззрения нового времени в насаждении в гуманитарной сфере приемов и методов точных и естественных наук, что превращает содержание наук о человеке в набор специфических алгоритмов, просчитываемых проектов, постепенно заполняемых таблиц, где только временно белеют пустые ячейки, но до тех пор, пока всеведущий метод не впишет в их ожидание свое сухое мнение.

«Человечество, ставшее Богом благодаря всеохватному овладению знанием», благодаря стремительно простирающейся в необозримую даль амплитуде тотальной фиксации всего и всех, «данная идея повсюду у Ренана», — называет Пеги одного из отцов научного мировоззрения нового времени. — «Это его надежда, внутренний огонь, светская святыня целого поколения». Кредо Эрнеста Ренана было изложено в труде «Будущее науки — мысли 1848 года». По убеждению Ренана, наука доказала, что ... «в веках минувших не было ни открытий, ни фактов сверхестественных»⁸ и что все, что мы знаем, и что еще могли бы узнать, соответствует главным законам цивилизации; поэтому человечеству виден уже берег исчерпывающего знания, а значит и близко время, когда в истории не обнаружится ничего нового, непредвиденного. За этими прогнозами Ренана, полагает Пеги, кроется метафизическая концепция, согласно которой современное человечество есть совершенное человечество, последнее, предельное, лучшее. Наивное ренановское проявление всемирно-исторического эгоцентризма. И все же у человечества, по Ренану, есть перспектива развития в накоплении и систематизации знаний, информации. Ренан воображает существование на других планетах существ, рядом с которыми земные жители не более, чем животные рядом с людьми; он рисует в своем воображении время, когда наука заменит существующих животных механизмами, как химия подменяет целые серии и комплексы натуральных соединений химическими эквивалентами, превосходящими оригиналы. Как человечество вырастает из мира животных, так божество выходит из человечества. И появятся существа, пророчествует добродушный Ренан, которые начнут

⁸ Réguy Ch. Oeuvres. T. I. P. 1416.

пользоваться человеком, как человек использует животных. «И я повторяю, — пишет Ренан в упомянутой книге, — интеллектуальное превосходство влечет за собой превосходство религиозное; в наших мечтах эти будущие властители явятся воплощением добра и правды, и радостно будет поклониться им <...> Вселенную тогда поглотит единый отлаженный организм, в перспективе функционирования которого учтутся мириады и мириады жизней...»⁹ И осуществление этой мечты, комментирует Пеги, немислимо без торжества вселенского контроля, «глобализации, завершения, остановки истории».

Что касается культуры, то отношение к ней Ренана, эрудита и энциклопедиста, позитивиста и сциентиста, остается покровительственным и утилитаристским и тогда, когда он пишет о ней с теплым чувством. Он признается, что со сластолюбцем сластолюбец, с развратником развратник, со святым праведник. Он обладает равной симпатией ко всему, но единственным легитимным исключением в мировоззрении отца современной науки является телесность, которой, в общем-то, все равно — чем, лишь бы наслаждаться. И утверждением, что и в истории славно и достойно созерцания лишь то, что было в ней «любезного», Ренан наносит еще один удар по тому же своему врагу, по Духовной истории человечества, ибо отвергает, утверждает Пеги, перечеркивает в ней незаконченную войну, объявленную пороку, растлению и лжи.

Между тем, деятели современной Шарлю Пеги науки: позитивисты, натуралисты, новые эпикурейцы творят, пишут книги, а это значит, что, каждый раз производя нечто, они забывают о своих принципах фронтальной регистрации фактов и «выбирают». «Выбирать есть прерогатива искусства, но как выбирать, — спрашивает Пеги, — если не сокращать ..., и как сокращать, если не прибегать к интуиции, непосредственному восприятию, внутреннему овладению предметом»¹⁰.

В своих манифестах, роль которых могут исполнять не только тексты, составленные в жанре манифестов, но и книги, «современная интеллектуальная партия» декларирует несократимость фактов гуманитарного исследования, заявляет, что наука «способна охватить интегральным знанием, реальным и исчерпывающим... всю действительность»¹¹ при условии, что правильно применяются законы исследования, учитываются и каталогизируются результаты.

Пеги возражает, говоря, что позитивистский или другой, основанный на примате фактографии научный метод выявляет побочные, вто-

⁹ Réguy Ch. Oeuvres. T. I. P. 1423

¹⁰ Réguy Ch. Oeuvres. T. I. P. 1449.

¹¹ Réguy Ch. Oeuvres. T. II. P., 1988. P. 646.

ричные мотивы и обстоятельства человеческой жизни. «Современная интеллектуальная партия» вдохновляется в своей деятельности собственной метафизикой, которую Пеги называет «метафизикой вторичных причин».¹² Если человек, соответственно «современному» научному мировоззрению, описывается последовательно и окончательно через «вторичное», в его существовании не находится места для иного, высшего, стороннего. Он становится замкнутой системой, один элемент которой не проливает свет на соседний, ибо в себе самом не является источником знания. Такая система превращается в еще большую тайну в сравнении с другой, допускающей или предполагающей объясняющее тайны бытие вневременных, самобытных, непостижимых причин жизни.

Целое, как утверждал Пеги, больше суммы наличных частей, потому что его частью является то, что вдохновляет, вразумляет или преобразует, но фиксации не дается и даже словами ознаменовано только условно. Пеги это чувствовал, вероятно, во всем. В своих поэмах, которые не раз сравнивали с убегающими к горизонту четкими бороздами в весеннем поле, он воспевал и защищал Францию видимую и невидимую, несовременную, вневременную; отечество, запечатленное в вечности.

Такой стране он был верен всегда. Он отстаивал ее перед политиками и учеными, разлагающими целостный мир на подходы, секторы, аспекты и факты. Всю свою научно-публицистическую и поэтическую жизнь он возвращался мысленно в свое детство, к образам святых Жанны д'Арк и Женевьевы Парижской, к мученику Полиевкту П. Корнеля и к Воозу и Руфи Священного Писания, воссозданным В. Гюго. Его душа стремилась к верности, которую как добродетель он ублажает даже в ученой жрице Гепатии, женщине-философе, поклоннице Платона и Плотина, растерзанной в Александрии толпой непросвещенных «христиан». Верность в качестве требования ума и сердца стала для Пеги внутренней силой, приведшей его к вере и жертвенной любви, запечатленной подвигом в самом начале войны, в августе 14-го года.

¹² Ibid. P. 647.

*Вал. А. Луков,
Вл. А. Луков*

**ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ
(первые итоги работы
Центра тезаурологических исследований МАНПО)**

В конце XX века в гуманитарных науках все больше стал проявлять себя системный кризис методологии, причем не только в нашей стране (что связано с полной сменой идеологии), но и на Западе, где утвердилась постмодернистская парадигма, для которой характерна деконструкция всякой методологии. Именно тогда в черед ответов на «декаданс методологии» начал формироваться тезаурусный методологический подход. В его основе лежало учение о тезаурусе — **структурированном по ценностному основанию «свое — чужое — чуждое» комплексе представлений и «картине мира» — общем образе мира и человека, складывающемся на основе той части мировой культуры, которую может освоить субъект (от индивидуума до социальных сообществ и общества в целом)**. Тезаурусный подход определился как совокупность принципов методологического характера, позволяющих вести исследование гуманитарных проблем путем анализа генезиса, развития, смены и сосуществования культурных тезаурусов.

Международная академия наук педагогического образования первой откликнулась на необходимость развития такого рода исследований. 22 апреля 2000 г. был создан Центр тезаурологических исследований (в дальнейшем ЦТИ) МАНПО. Деятельность ЦТИ была определена поставленной задачей: провести обширные междисциплинарные исследования общетеоретического, социологического, культурологического, филологического характера, обеспечивающие формирование тезаурологии как особой отрасли гуманитарного знания. Были сформулированы задачи, вытекающие из этой цели: (1) сформулировать основные положения тезаурологии как научной и учебной дисциплины; (2) применить тезаурусный подход к различным областям гуманитарной науки; (3) содействовать практическому применению тезаурусного подхода в определении содержания и форм образовательной деятельности. Позже решено было не пользоваться термином «тезаурология», а говорить о тезаурусном подходе, что точнее отражает современный этап разработки идеи.

В состав ЦТИ вошли академики МАНПО Вл. А. Луков (руководитель), Вал. А. Луков, А. И. Ковалева, Т. Ф. Кузнецова. Они привлекли к деятельности по развитию тезаурусного подхода крупных ученых и мо-

лодых исследователей из различных научных учреждений и ведущих вузов Москвы, Волгограда, Магнитогорска, Омска, Орска, Самары, Рязани и других городов России, а также специалистов из Австрии, Новой Зеландии, Польши, Украины, Финляндии, Франции. Тезаурусный подход лег в основу докторских диссертаций И. В. Вершинина, С. Н. Есина, А. Б. Тарасова и др., десятков кандидатских диссертаций, он стал одной из методологических основ деятельности Отделения гуманитарных наук РС Международной академии наук (IAS, Австрия), Института гуманитарных исследований Московского гуманитарного университета, где с 2005 г. выходят сборники научных трудов «Тезаурусный анализ мировой культуры» по итогам конференций с тем же названием (вышло 10 сборников)¹. Опубликованы сотни научных и научно-методических работ². Так, только в 2006 г. вышла 141 работа общим объемом 431,85 п. л., в том числе 11 научных монографий, 4 брошюры, 18 сборников научных трудов, 8 учебных пособий для вузов, из них размещено в Интернете 59 публикаций общим объемом 128,3 п. л. Среди них — фундаментальная коллективная монография «Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке»³, научная монография Вл. А. Лукова «Предромантизм»⁴, учебное пособие коллектива авторов «Культурология: История мировой культуры»⁵, учебное пособие Вал. А. Лукова «Социальное проектирование»⁶ и др.

Проведенное исследование показало связь тезауруса с триадой И. М. Ильинского «знание — понимание — умение». Знание рассмотрено как материал тезауруса. Понимание рассмотрено как совокупность процессов структурирования знания. Умение рассмотрено как механизм реализации тезауруса вовне, позволяющий ориентироваться в окружающем мире. При этом в умении выделено две подсистемы: навыки (социализационная подсистема, состоящая из уже освоенных общест-

¹ Тезаурусный анализ мировой культуры: Сборники науч. трудов. Вып. 1–10. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005–2007.

² См., в частности, библиографическое описание работ 2004–2006 гг. в изд.: Три года научных исследований: Публикации сотрудников Института гуманитарных исследований в 2004–2006 годах: Библиография / Сост. Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, Н. В. Захаров, В. А. Гневашева, Г. Ю. Канарш, С. В. Луков, О. О. Намлинская; под ред. Вал. А. Лукова; Моск. Гуманит. ун-т; Ин-т гуманит. иссл. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007.

³ Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке: Науч. монография / Под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006.

⁴ Луков Вл. А. Предромантизм: Науч. монография. М.: Наука, 2006.

⁵ Культурология: История мировой культуры: Учеб. пособие / Под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М.: Академия, 2003.

⁶ Луков Вал. А. Социальное проектирование: Учеб. пособие / 6-е изд. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та: Флинта, 2006.

вом способов реализации социокультурных проектов) и творчество (инновационная подсистема, создающая механизм для формирования новых идей, способов, результатов). Тезаурус обеспечивает задачи ценностной ориентации, культурной социализации и идентификации (что реализуется в рамках тезауруса), коммуникации, деятельности субъекта (что реализуется вне тезауруса, но с помощью его механизмов).

Тезаурусный подход дал определенные результаты в различных сферах научных исследований, проведенных членами ЦТИ МАНПО — сотрудниками ИГИ МосГУ, а также подключившимися к их работе учеными.

Существенным результатом можно считать разработку тезаурусной концепции социализации. В свете тезаурусного подхода сформированы новые средства для описания и понимания социализационного процесса. Общая основа тезаурусной трактовки социализации представлена в виде гипотезы, которая включает следующие предположения:

1) индивидуальные тезаурусы строятся в рамках социализационного процесса из элементов тезаурусных конструкций;

2) в обществе сосуществуют несколько тезаурусных конструкций с разной степенью актуальности (т. е. степенью распространенности, нормативности, формализации); соответственно, и на индивидуальном уровне возможно сосуществование нескольких **частных тезаурусов (касающихся разных сфер жизнедеятельности, при этом нередко противоречащих друг другу)** и выстраивание тезауруса с подвижной иерархией элементов;

3) актуальность, актуализация и утеря актуальности тех или иных тезаурусных конструкций детерминированы объективными социальными процессами и субъективным определением ситуации (на различных уровнях социальной организации);

4) социализационные практики обеспечивают передачу и актуальных, и неактуальных (**«теневых»**) тезаурусных конструкций, из которых строятся тезаурусы, **тем самым сохраняя жизнеспособность тезаурусов в ситуации социокультурных перемен.**

В свете сказанного важно подчеркнуть, что тезаурус нами понимается как такая организация информации у субъекта социокультурной деятельности, которая теснейшим образом связана с его местом в обществе и в макро-, и в микросоциальном пространствах. Возникающая в ходе социализационного процесса комбинация элементов (сведений, моделей поведения, установок, ценностей и т. д.) выстраивается из

фрагментов тезаурусов *значимых других*⁷. Эти фрагменты сами несут в себе следы более ранних тезаурусных образований, также воспринятых от значимых других иного поколения. Общую часть тезаурусных фрагментов, из которых, собственно, и формируются индивидуальные тезаурусы, мы называем тезаурусными конструкциями, которые можно сравнить с корнями слов, принимающими точное значение в сочетании с другими строительными блоками **языка** (с префиксами, аффиксами и т. д.).

Тезаурусный подход нашел применение и в теории социального проектирования. Сущность социального проектирования — конструирование желаемых состояний будущего. Исходные вопросы социального проектирования — какие состояния желаемы и какие ресурсы есть для их достижения — в современных условиях раскрываются иначе, с иными акцентами и оттенками, чем еще 15–20 лет назад. Генеральная идея субъектно-ориентированного (тезаурусного) подхода к социальному проектированию состоит в признании тезауруса, ценностно **ориентированной** системы инициатора проекта источником проектной идеи. Этим не умаляется значение объективных факторов разработки и осуществления проекта (заказ, принятие управленческого решения, наличие ресурсов и т. д.) и, в частности, того обстоятельства, что в результате осуществления проекта возникает новый или трансформируется имевшийся социальный объект, решается та или иная социальная проблема. Субъектно-ориентированный подход к социальному проектированию не устраняет причинности и обусловленности проектов и проектной деятельности, а идея тезаурусов не означает утери связанности социальной среды. Напротив, тезаурусный подход объясняет связь эпох как дифференцированную передачу социальных эстафет, позволяет обосновать многообразие и многоуровневость социально-проектной деятельности, понять причины несовпадения замысла и исполнения, провала «сильных» и успеха «слабых» проектов.

Тезаурусный подход нашел широкое применение в литературоведении. Из тезаурусного подхода следует, что история литературы, которая сейчас называется или может называться традиционной, академической, университетской, на какое-то время должна быть подвергнута дифференциации, чтобы впоследствии три выделяемые ее ветви — анализ литературного процесса, исследование эволюции художественных

⁷ Термин Дж. Г. Мида. См.: Мид Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 229–230. Применительно к тезаурусному анализу было бы уместно говорить «значимое другое», но в падежных формах это создаст путаницу, поэтому мы оставляем термин Дж. Г. Мида.

форм и характеристика персональных моделей — слились в единую обновленную историю литературы. Третья из названных ветвей может ассоциироваться с совокупностью включенных в традиционные истории литературы очерков о писателях и с многочисленными монографиями и биографиями, посвященными как знаменитым, так и менее выдающимся литераторам. Однако на данном этапе развития литературоведения у этой ветви появляется своя специфика, которая хорошо объясняется из концепции «теоретической истории литературы» Д. С. Лихачева⁸. Подобно тому как в рамках этой концепции предлагается перевести всю историю литературы из эмпирической в теоретическую форму, исследование персоналий необходимо перевести из описательной в теоретическую форму, а именно: выявить персональные модели литературного творчества. Это лишь одно из направлений в применении тезаурусного подхода к филологической сфере, а в ходе исследований их обнаружилось множество.

Возможности трактовки человеческого поведения через анализ тезаурусов дополняют существующие концепции соединения исторического и психологического знания. Тезаурусы выступают как фильтры суггестивных воздействий и источник контрсуггестивных ответов на вызовы исторического времени. Этим могут объясняться различия в реакциях на суггестивное воздействие людей в сходных условиях. Эффекты ресентимента (в концепции М. Шелера многоаспектная характеристика ответных реакций⁹) также могут получить более ясные очертания как инструмент исторических изменений, если они рассмотрены сквозь призму тезаурусов, основное разделение которых («свой — чужой») очень близко идее ресентимента. Очевидна и связь тезаурусной концепции с теориями идентичности и кризисов идентичности, а также с той частью теории Э. Эриксона, которая относится к особенностям коммуникационного процесса¹⁰. Сегодня историческая психология может развиваться с меньшей оглядкой на границы наук и без траты усилий на доказательство, что это самостоятельная наука с особым объектом, предметом и методом. Это все-таки позиция, которая больше характерна для конца XIX — начала XX века — периода размежевания гуманитарных наук и поиска своей узкой области исследований. Когда разру-

⁸ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. Переиздание в сост. избранных работ: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 24–260.

⁹ См.: Шелер М. Избр. произведения. М., 1994.

¹⁰ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Издат. группа «Прогресс», 1996.

шаются границы между различными науками в пользу целостных объектов (а это главное, для чего происходит снятие границ), формируется интегральное знание о человеке и обществе.

В связи с празднованием в 2006 г. 150-летия со дня рождения З. Фрейда члены ЦТИ МАНПО опубликовали ряд исследований (в том числе в Интернете)¹¹, где проанализирована жизненность идей З. Фрейда для современного гуманитарного знания, в частности для развития тезаурусного подхода.

Тезаурусный подход, в противоположность концепции З. Фрейда, строится на признании того, что в человеческом обществе власть культуры не менее значима, чем власть природы (природы). Однако фрейдовская модель психического аппарата позволяет по аналогии наметить модель тезауруса. В нем фундаментом оказывается Неосознанное — как аналог Бессознательного. Неосознанное при этом выступает и как когда-то осознававшееся, но не представленное в актуальном поле Сознания, и как прежде не осознававшееся.

Аналогом влечений, играющих такую важную роль у Фрейда для раскрытия «динамики» и «экономики» психических процессов, в тезаурусе оказываются предпочтения и ожидания (все новое проходит через эту призму). Предпочтения предполагают выбор из нескольких вариантов (пространственная характеристика), ожидания связаны с прошлым опытом (временная характеристика). Очевидно, при прохождении новой информации сквозь «призму» предпочтений и ожиданий действуют законы аналогии (сближения по сходству) и ассоциации (сближения по смежности).

Учение Фрейда дает подсказку: тезаурус должен иметь «топику», т. е. структуру различных зон. Может быть выстроена семиступенчатая «пирамида тезауруса», где с каждой ступенью связывается определенный круг наиболее фундаментальных проблем, которые решает человек в течение жизни от проблем выживания на низшей ступени до проблем веры, интуиции, идеала, сверхсознания на высшей ступени (здесь есть параллель с иерархией потребностей, предложенной А. Маслоу¹²).

Тезаурус — это не только человеческий аппарат для усвоения новой информации, но и в такой же мере защитный механизм от внешней информации, воспринимаемой как «чужая» (в этом случае она все же

¹¹ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Фрейд и тезаурусный подход (к 150-летию со дня рождения З. Фрейда) // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 7 / Под общ. ред. Вл. А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. С. 3–28; То же: // www.mosgu.ru [2006]; Луков Вал. А., Луков Вл. А. Фрейд: жизнь и труды год за годом // www.mosgu.ru [2006].

¹² См: Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М., 1999.

проникает на периферию тезауруса) и как «чуждая» (тогда она оказывается на самой его границе, пересекая ее только в форме критики). Сам Фрейд в своих двух «топиках» психического аппарата ввел понятие «цензуры». Анализ тезауруса показывает, что если цензура внутри тезауруса обычно почти прозрачна, то на границе тезауруса и окружающего информационного поля существует мощный слой другой — внешней цензуры, которая в ходе исследования, во избежание путаницы в терминологии, была определена словом «мембрана». Собственно, это не одна, а несколько мембран. Их типологию подсказал гениальный знаток человеческой души У. Шекспир (выделены мембраны Гамлета, Отелло, Лира, Макбета, Дездемоны, Корделии, леди Макбет, Офелии, Глостера, Призрака). Все типы тезаурусной мембраны, которым мы, пользуясь аналогией из Фрейда, дали имена шекспировских персонажей, присутствуют в каждом индивидуальном тезаурусе, но не в одинаковой мере, что позволяет поставить вопрос об акцентуации тезаурусов.

Принципиальное отличие тезауруса от фрейдовского психического аппарата заключается прежде всего в том, что тезаурус в известной мере совпадает со сферой сознания, а, как утверждал Фрейд, в основе психического аппарата лежит сфера бессознательного. Кроме того, тезаурус — характеристика субъекта, а под субъектом тезаурусный подход понимает и индивидуума, и группу любого масштаба, от малой группы до нации, класса, всего человечества. Но если это так, фрейдовское представление о цензуре, переработанное в свете тезаурусного подхода в концепцию мембраны применимо и к коллективным тезаурусам.

Помимо «топики» тезаурус характеризуется и определенной «динамикой», под которой мы понимаем процесс передвижения информации в тезаурусе с момента его первоначального освоения. Мир, как можно предположить на основании тезаурусного подхода, представлен в сознании человека в определенной последовательности, которую определяет уже сложившаяся структура тезауруса (его «топики»), фильтрующая (отбирающая), оценивающая и преобразующая (перекодирующая, переводящая на понятный «язык») любые сигналы извне. В конечном итоге, в результате личностного развития (или развития социальной общности) и социализационных воздействий общества выстраивается тезаурус личности (общности), который в идеальной модели для европейского социокультурного типа может быть представлен как концентрические круги, более плотные и контрастно очерченные у ядра тезауруса и менее ясные, расплывчатые, неопределенные на его периферии. В этой идеальной модели на личностном уровне центральное место за-

нимает образ самого себя (самоосознание) и другого человека: его внешний вид (прическа, костюм), поведение, поступки, затем мысли и чувства, образ жизни. Следующий круг тезауруса ориентирует в отношении двоих людей: здесь важными оказываются такие аспекты человеческого существования, как дружба, любовь, спор, вражда, зависть, диалог, общение, отношение «учитель — ученик» Разумеется, эти аспекты жизни отражаются в тезаурусе не как голые схемы, а как «остаток» (воспользуемся термином Вильфредо Парето — «residui»¹³) пережитого опыта или ожидаемых отношений, существенных для человека. Аналогичным образом тезаурус включает ориентиры для отношений в триадах (прежде всего в семье: отец — мать — ребенок) и более крупных группах повседневного общения. Осознается ближайшая среда (окружающие вещи, мебель, дом, обозримое природное пространство). Следующие круги тезауруса — свой город или деревня, страна, общество (нация, класс, человечество), общественные отношения и чувства (долг, совесть, свобода, равенство, братство, избранность, отчужденность, одиночество), обучение и воспитание, «свое» и «чужое» (иностранное), история, политика, экономика, техника, наука, мораль, эстетика, религия, философия, человек как микрокосм, макрокосм — вселенная, общие законы мироздания. Такая модель дает представление об общих направлениях упорядочения ориентирующих импульсов. Действительная картина реальных тезаурусов может существенно отличаться в зависимости от образа жизни, культурных традиций и системы воспитания, впечатлений раннего детства, особенностей образования и профессиональной подготовки, среды повседневного общения, актуальной ситуации в стране и мире и других факторов. Тем не менее в основных чертах тезаурусы будут конструироваться по обозначенным выше направлениям (кругам).

Со всеми кругами связано художественное восприятие действительности, наиболее проявленное в искусстве.

С фрейдовской «энергетикой» психического аппарата в тезаурусном подходе перекликается представление о «силе» и «слабости» определенных видов информации — качествах, имеющих, по-видимому, не только субъективные, но и объективные основания. Культура в целом и отдельные ее стороны, явления развиваются и распределяются неравномерно, и на культурный процесс оказывает воздействие прежде всего то, что может быть охарактеризовано через наличие «сильных позиций», т. е. нечто, удерживающее устойчивый повседневный порядок и

¹³ См.: Якимович З. П. Парето // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 154–155.

бросающее вызов этому порядку, побеждающее в борьбе, заставляющее себя предпочесть и т. д. Сильные позиции в функционировании культуры могут рассматриваться в различных аспектах: во времени (исторический аспект), в пространстве («география культуры»), сильные позиции языков, идей, личностей. Сильные позиции могут рассматриваться как особый исследовательский объект. Они обладают и статикой, и динамикой. Динамический аспект может рассматриваться с точки зрения изменения таких позиций (пульсации), их перемещения, взаимодействия, симбиоза, гармонизации (уравновешивания в общей динамической системе культуры), зависимости и независимости от природы, хронотопа освоения (формирование представления о классике) и т. д.

Анализ явлений, которые могут быть представлены как занимающие в культурной жизни «сильные позиции», важен, так как позволяет объяснить, почему в одних странах появляются люди, идеи, произведения, открытия, изобретения, оказывающие влияние на весь мир или на большой регион, а в других не появляются.

Как нетрудно заметить, тезаурусный подход в названных аспектах имеет самое прямое отношение к культурологии, особенно к изучению культуры повседневности разных эпох и ее перехода в культуру Происходящего под влиянием формирования новой — информационной — цивилизации. От отдельно развивающихся наук гуманитарного цикла мы здесь неизбежно переходим к их синтезу.

Тезаурусный подход в гуманитарных науках отражает стремление преодолеть некоторые методологические и теоретические трудности, с которыми столкнулась интерпретация социальных и культурных явлений и процессов в нынешних условиях. В методологическом отношении в ней сочетается марксистский подход (объективная основа общественных отношений) с феноменологической социологией (субъективное переструктурирование объективного мира, повседневность) и постмодернистской установкой на «радикальную плюральность». Соединение столь разных позиций стало возможным в силу того, что поле этого соединения ограничено социокультурной проблематикой.

Анализ тезаурусов дает возможность приблизиться к социальным и культурным реалиям прежде всего на уровне повседневности. В этой связи свойства тезауруса (полнота в соответствии с целями социокультурной ориентации, иерархичность, зависимость от личности и среды) и его механизмы (внешние — социализация и внутренние — социальная идентификация, социальное конструирование и проектирование реальности) могут составить значимый предмет исследования в рамках социологии и других гуманитарных наук. В то же время через выявление

тезаурусов в их синхронном и диахронном бытовании может быть выстроена картина мировой культуры, ориентированная на концепты и константы данной культуры. Этим, между прочим, должна определяться образовательная стратегия и в плане обобщений, и в конкретном отборе информации, формирующей картину мира в соответствии с культурными кодами.

Общая схема конструирования социальной и культурной реальности включает: (1) адаптацию к условиям среды (пробы и ошибки; узнавание частей среды и правил; изменение поведения в соответствии с правилами; понимание и легитимация части среды через «наше»); (2) достраивание реальности (символизация через идеальное «благо» и «зло», построение символического универсума; компенсация недоступного; действия по ограждению «своего мира», выделение зоны независимости); (3) переструктурирование условий среды (игнорирование неважного; изменение пропорций и комбинирование в соответствии с тезаурусом; действие вне «своего мира» в соответствии со своим символическим универсумом). Эти позиции реализуются как фактический итог жизнедеятельности человека и как результат функционирования и развития социокультурных образований любого масштаба и уровня сложности.

Гуманитарное знание сегодняшнего дня в свете тезаурусного подхода предстает 1) как комплекс, в котором воплощена триада «знание — понимание — умение», а не только собственно знаниевая (информационная) составляющая; 2) как основное интеллектуальное и духовное содержание культурного тезауруса, образующего связные картины мира — ориентиры в культуре Происходящего; 3) как фундамент нового взгляда на действительность, в котором на смену античному антропоцентризму и ренессансному гуманизму («человек есть мера всех вещей»), а также средневековому теоцентризму («все люди ничтожны перед лицом Бога») приходит их синтез и снятие противоречий через приоритет культуры понимания человеком мира и себя, что должно привести к глобальной образовательной революции.

**ПРЕДРОМАНТИЗМ В СВЕТЕ ТЕЗАУРУСНОГО ПОДХОДА
(Луков Вл. А. Предромантизм. М.: Наука, 2006)**

Из всех переходных явлений в истории литературы предромантизм, быть может, наименее изучен. До сей поры не появилось ни одного исследования, притязающего на исчерпывающую полноту в раскрытии термина «предромантизм» или давшего убедительную атрибуцию этого явления. Тем более значительно появление книги с лаконичным названием «Предромантизм», автор которой избрал наиболее убедительный подход в освоении проблемы.

Вл. А. Луков является не только наиболее последовательным адептом тезаурусного подхода, положенного в основу монографии, он стоит у истоков его разработки и собрал в своем окружении ученых, продуктивно работающих в этом направлении. Этот подход координируется с литературоведческой традицией Б. И. Пуришева, учеником которого был как Вл. А. Луков, так и ученые его круга, с так называемым историко-теоретическим подходом, в свете которого «искусство рассматривается как отражение действительности исторически сложившимся сознанием в исторически сложившихся формах», как пишет автор книги (с. 13). Естественно, что при таком взгляде на изучение литературного процесса фокус внимания рассеивается — в поле зрения попадают не только вершинные произведения литературы, но и фоновые, в целом рушится перспектива картины литературного периода — «фон» и «изображение на фоне», столь отчетливо противопоставленные как в живописи, так и в мировидении прошлого, сливаются, становятся в равной степени значимыми. Всякий литературный факт подлежит анализу и содержит в себе указание на суть изучаемой эпохи. Вот здесь-то и уместно применение тезаурусного подхода, выделяющего в потоке информации, в том числе в литературном и художественном процессе некие константы, образующие картины мира разных эпох и народов. Возможно, именно такой тип организации материала в научном, методическом или справочном тексте более всего удовлетворяет запросу сегодняшнего дня.

Композиционно книга построена по сонатному принципу. Динамические первый и третий разделы, содержащие общую характеристику «классического» начала исследуемого явления и его «романтического» конца, пронизаны сквозными темами, названия отдельных параграфов тождественны: «Образ человека», «Одиночество», «Дружба», «Любовь», «Единение», «Мир вещей», «Цивилизационные процессы»,

«Наука», «Искусство», «Картина мира». Центр композиции книги занимает наиболее объемный, неторопливый второй раздел, раскрывающий суть предромантизма в предикативных отношениях познающего человека и познаваемого мира. Анализу подвергаются как образцы высокой культуры, так и повседневность, в равной степени учтены как типичные явления, так и экстраординарные. Этот раздел посвящен предромантизму в различных видах искусства, причем ни одно искусство не позиционируется как ведущее. Хотя отправной точкой разговора становится, конечно же, литература (Макферсон и Чаттертон, Уолпол и Рэдклиф, Руссо и маркиз де Сад, Гёте и Шиллер, Гоцци и Блейк), не меньшее внимание уделено отражению новой чувствительности в театре (жанр мелодрамы), проникновению литературного компонента в музыку (Глюк, Гретри) и пластические искусства (Гойя, Фюссли). Рассмотрены все явления, дающие повод к раздумьям о началах романтизма в ваянии и зодчестве (в дополнение отметим, что в книге хороший подбор иллюстраций, хотя качество печати оставляет желать лучшего). В итоге сделаны выводы, подтверждающие склонность европейской эстетики к синтезу искусств еще в предромантическую эпоху. Предромантизм трактован Вл. Луковым как универсальное явление, отразившееся во всех сферах общественной жизни.

«Предромантизм» Вл. А. Лукова — не научно-популярное произведение. Для того чтобы быть популярным, оно слишком обширно (683 с.), слишком малотиражно (800 экз.), ставит трудные вопросы методологии, раскрывает суть явления на необычайно широком материале. Хотя книга обнимает, как кажется, все явления переходной поры между веком просвещенного ума и веком чувствительной души, она не является справочным изданием (при том что учтенный автором материал мог бы без усилия обратиться в словарь).

«Предромантизм» — детище тезаурусного подхода. Это теория, воплощенная в практике. Для того чтобы ощутить ценность и проблемы тезаурусного подхода, довольно прочесть одну эту книгу. «Его книга похожа на дневники слишком умного человека — он пишет обо всем, что знает». Эти слова говорит не рецензент о книге Вл. А. Лукова, их говорит Готье о В. Гюго. Но до некоторой степени они корреспондируют с впечатлением от «Предромантизма». Кажется, что «бумажный носитель» оказывается слишком тесным для несомой им информации. Думаю, что со временем материал книги будет преобразован в компьютерный гипертекст, в котором часть материала будет свернута в легко открывающиеся ссылки. «Предромантизм» Вл. А. Лукова словно сам свидетельствует о переходных явлениях рубежа двух эпох и сочетает в

себе как скрупулезность и пытливість науки прежних лет, все более отступающих в область ностальгических воспоминаний, так и афористичность языка современности. Эта книга по обширности собранного материала удовлетворит человека, обращенного лицом к прошлому, к «веку знания», как называл уже далекий от нас позапрошлый век М. Блок, но она обращена лицом к «веку понимания» — будущему.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. В. Захаров

**ПРАВОСЛАВНЫЙ ТЕЗАУРУС
РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....3**

С. Н. Доведов, Вал. А. Луков

**ВЛАДЕЛЬЦЫ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ: ТЕЗАУРУСНЫЙ
ПОДХОД К ИХ ТИПОЛОГИЗАЦИИ.....10**

А. Г. Русанова

**ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ
КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДЕНТОВ.....24**

А. В. Луков

**ТЕОРИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ
СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ.....39**

В. П. Трыков

АНТИЧНАЯ ПРОТОЖУРНАЛИСТИКА.....51

Протоиерей Павел Карташев

ШАРЛЬ ПЕГИ — ПЕВЕЦ И ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА.....57

Вал. А. Луков, Вл. А. Луков

**ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ
(первые итоги работы**

Центра тезаурологических исследований МАНПО).....67

А. С. Дежуров

ПРЕДРОМАНТИЗМ В СВЕТЕ ТЕЗАУРУСНОГО ПОДХОДА.....77

Сведения об авторах:

Дежуров Арсений Станиславович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета, член-корр. МАНПО.

Доведов Сергей Николаевич — аспирант кафедры социологии МосГУ.

Захаров Николай Владимирович — доктор философии (PhD), ученый секретарь — ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований МосГУ, академик Международной Академии наук (МАН, IAS, Инсбрук).

Отец П. Карташев — протоиерей, настоятель Преображенской церкви с. Большие Вяземы, Председатель Миссионерского отдела Московской Епархии Русской Православной Церкви, член Координационного совета по связям Министерства образования Московской области и Московской Епархии, преподаватель Коломенской Духовной Семинарии.

Луков Андрей Владимирович — аспирант кафедры социологии МосГУ.

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований МосГУ — заместитель ректора МосГУ по научно-исследовательской работе, академик-секретарь РС МАН (IAS, Инсбрук), академик МАНПО, почетный профессор МосГУ.

Луков Владимир Андреевич — доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра теории и истории культуры Института гуманитарных исследований МосГУ, заслуженный деятель науки РФ, академик МАН (IAS, Инсбрук), МАНПО.

Русанова Анастасия Геннадьевна — соискатель (Волгоград) кафедры социологии Московского гуманитарного университета.

Трыков Валерий Павлович — доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой всемирной литературы по научной работе Московского педагогического государственного университета, академик Международной Академии наук (МАН, IAS, Инсбрук).

Научное издание

ТЕЗАУРУСНЫЙ АНАЛИЗ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сборник научных трудов

Выпуск 10

Под общей редакцией профессора Вл. А. Лукова

Издательство Московского гуманитарного университета

Печатно-множительное бюро

Подписано в печать 30.12.2006 г. Формат 60X84 1/16

Усл. печ. л. 6,1

Тираж 100 Заказ № 980

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1